

УОЛЛИ ЛЭМБ

ОНА
ДОВЕДЕНА
ДО ОТЧАЯНИЯ

Уолли Лэмб

Она доведена до отчаяния

Серия «Настоящая сенсация!»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24723907

Лэмб, Уолли. Она доведена до отчаяния : [роман]: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-100371-5

Аннотация

Завораживающая история женщины по имени Долорес Прайс.
История пути к себе длиною в жизнь.

История одиночества и поисков дружбы, любви и верности в нашем изменчивом мире.

История, в которой драма соединяется с юмором, а горечь – с сарказмом.

История, в которой есть место для боли и исцеления, для нежности и утраты, для отчаяния и надежды. И для борьбы за право быть собой и жить по собственным правилам...

Содержание

«Она до сих пор где-то рядом»	5
Часть I	19
Глава 1	19
Глава 2	41
Глава 3	66
Глава 4	93
Глава 5	119
Глава 6	135
Глава 7	161
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Уолли Лэмб

Она доведена до отчаяния

*Кристине,
которая смеялась и плакала
и в чем-то стала прообразом моих персонажей*

Wally Lamb

SHE'S COME UNDONE

Печатается с разрешения издательства Atria Books,
an imprint of Simon & Schuster, Inc. и литературного
агентства Andrew Nurnberg.

© Wally Lamb, 1992

© Перевод. О.А. Мышакова, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

«Она до сих пор где-то рядом»

(вступительное слово к юбилейному изданию по случаю двадцатилетия романа)

Впервые Долорес Прайс явилась мне в виде голоса. Я торопливо мылся в душе после утренней пробежки, готовясь к новому дню преподавания в старшей школе, где работал уже девять лет. «Ну все, бросил меня мой козел, – сказал голос. – Ну и скатертью дорога». Долорес еще была безымянной и невидимой, но эти десять слов она произнесла уязвленно, с вызовом – и юмором, чем меня и подкупила.

Несколькими годами ранее в возрасте тридцати лет я стал отцом и начал писать короткие рассказы. На первый День отца моя жена Кристина подарила мне тогдашний хай-тек – электронную пишущую машинку (шел 1981 год). В тот день, когда женский голос заговорил со мной о своем бывшем козле, у меня уже лежали готовыми четыре рассказа. Я дал голосу имя – Мэри-Энн, и она начала рассказывать о своем браке и разводе. Я решил, что пишу короткий рассказ номер пять.

О Мэри-Энн было уже написано страниц двадцать, когда однажды утром по неизвестной причине мне вспомнилась семнадцатилетняя старшеклассница, которую я видел десять лет назад на стажировке в школе. Шейла была одиночкой и интровертом: из-за ожирения она не помещалась за парту и сидела у задней стены класса за обычным столом. Одно-

классники ее не травили, но от ее габаритов им было неловко, и они ее попросту перестали замечать. Шейла никогда не открывала рта и ни с кем не общалась. Пока другие дети не оглядывались, ее как бы и не было. В безмерной молодой наивности я решил заняться спасением Шейлы, заняв ее в общей дискуссии, но всякий раз, когда я называл ее имя, она лишь молча качала головой. Жир служил ей крепостными стенами, непробиваемыми для салаги-стажера, и до конца стажировки Шейла оставалась для меня загадкой. Когда через десять лет я вдруг вспомнил о ней, в голове словно сверкнула молния. Я соединил придуманный голос Мэри-Энн с образом реальной Шейлы, и рассказ сразу ожил и заиграл.

В то время я заочно учился в колледже Вермонт (сейчас это Вермонтский колледж изящных искусств) на магистра и показал свой рассказ нашему преподавателю Глэдис Свон. «Дорогой мой, – сказала она, – по-моему, у вас слишком много холста на пару штанов для малой-то формы». Я спросил, что, по ее мнению, мне нужно выбросить.

– Может, и ничего, – ответила Глэдис. – Кажется, вы пытаетесь сказать себе, что вам хочется написать роман.

Если бы я знал, что вот-вот отправлюсь в девятилетнюю поездку по американским горкам, итогом которой станет «Доведенная до отчаянья», я бы выбежал из аудитории с криком ужаса, но ситуацию спасло мое невежество.

– Роман? – переспросил я. – А как пишут романы?

Глэдис посоветовала обратиться к первоисточникам.

– Мир очень стар, и написать абсолютно оригинальное произведение невозможно, – заявила она. – Архетипические сюжеты вечны, потому что они проливают свет на человеческую природу. Людям хочется слышать их снова и снова. Если планируешь написать современный роман, почитай древние мифы.

Я вышел от Глэдис со списком литературы, где, в частности, значился «Герой с тысячью лиц» Джозефа Кэмпбелла, «Король и труп» Генриха Циммера и мифопоэтический шедевр Гомера «Одиссея». Невероятно, но именно последнее произведение легло в основу «Доведенной до отчаянья»: я придумал Мэри-Энн предысторию и отправил ее в полный противостояний квест на поиски себя.

Дописав до середины романа, я послал отрывок в «Нортист», воскресное приложение к «Хартфортским курантам». Фейф Миддлтон, ставшая теперь знаковой фигурой «Национального общественного радио», читала присылаемые рукописи. Она-то и известила меня, что мой рассказ понравился и она направила его редактору Ларри Блуму для ознакомления. От восторга я схватил своего сына, тогда еще дошкольника, и подбросил так высоко, что он пробил головой потолок кухни. К счастью, потолок был подвесной, из мягких пеновых панелей, так что голова Джареда просто скрылась из виду на секунду и тут же появилась снова. «Хранить в сухом прохладном месте» опубликовали в пасхальное воскресенье 1982 года. Ранним утром я поехал в магазин и купил

«Хартфортские куранты». В машине пролистал журнал, нашел свой напечатанный рассказ и заорал как сумасшедший. Вскоре, готовясь к уроку по английской лексике, я прочел в словаре определение слова «dolorous»: «Отмеченный грустью, печалью или скорбью». Тогда-то Мэри-Энн и стала Долорес.

Во всей литературе не найти персонажа, более непохожего на дерзкого храбреца Улисса, чем замкнутая и язвительная Долорес Прайс, однако их одиссеи довольно схожи. Улисс покинул родную и любимую Итаку, сражался в Троянской войне, а потом долго искал дорогу домой. Долорес очертя голову вырвалась из удушающего, замкнутого покоя бабкиного дома в Истерли, Род-Айленд, чтобы выполнить желание покойной матери и поступить в колледж. В своих странствиях и Улисс, и Долорес получили боевое крещение и огребли по полной, при этом неплохо наваляв и обидчикам. И тому, и другой пройти путь до конца помогли оракулы. «Я скажу тебе, что я из всего этого вынес, – говорит Долорес ее товарищ мистер Пуччи, прежде чем умереть от СПИДа. – Бери то, что люди тебе предлагают. Пей их молочные коктейли. Принимай их любовь». Подобно Улиссу, после долгих скитаний Долорес возвращается домой другим человеком – печальнее, мудрее, готовой применять усвоенные уроки на практике, чтобы ради себя и других вести более аутентичную жизнь.

Когда впереди замаячил финал романа, меня одолели

фантазии насчет того, чтобы его издать, хотя я представления не имел, как это делается. Тут как раз у родителей случился сорокалетний юбилей совместной жизни, и я подарил им поездку в Нью-Йорк, заказав номер в отеле «Эдисон», где они останавливались в свой медовый месяц. Из Нью-Йорка я попросил маму с папой привезти «Желтые страницы» с адресами каких-нибудь нью-йоркских издательств. Вежливая и робкая мама подошла к стойке регистратуры в «Эдисоне» и справилась, нельзя ли из телефонной книги в номере вырвать нужный раздел. Отец рассказывал, что клерк как-то странно на нее посмотрел и ответил отказом. Мой не столь робкий и вежливый папа применил иной подход – он поднялся в номер и выдрал необходимые страницы без спроса.

Рассудив, что в издательства тоже присылают рукописи и мне непременно снова повезет, я упоенно набивал большие коричневые конверты и надписывал адреса, когда в мой кабинет поднялась супруга и подала письмо на розовом, как «Мэри Кей», листке. Письмо оказалось от литературного агента из Калифорнии Линды Честер, которая прочла один из моих рассказов, «Астронавты», опубликованный в «Миссури ревью». Если у меня уже есть литературный агент, писала Линда, пусть тогда ее письмо будет как от поклонницы (поклонницы? Моей?!). Но если я агента только ищу и у меня есть готовая вещь крупного формата – скажем, роман, то нам есть о чем поговорить.

На правах моего литературного агента Линда пообещала

Джудит Реган, талантливому редактору из «Саймон и Шустер», «первый взгляд» на «Доведенную до отчаянья», как только она будет закончена. Так получилось, что к Джудит рукопись попала в самое неудачное время: редактор взяла ее с собой в больницу, куда ложилась делать кесарево сечение (в результате которого появилась на свет ее дочка Лара). Позже Джудит Реган рассказывала, что после операции у нее подскочила температура, начались боли и меньше всего хотелось что-то читать. Она взялась за рукопись с намерением пробежать наискосок страниц двадцать и отправить обратно с вежливым отказом, однако читала до утра, а сразу после выписки поковыляла в «Саймон и Шустер» и сказала издателю, что хочет купить этот роман.

Еще в декрете Джудит пригласила меня на встречу в манхэттенском ресторане в Верхнем Уэст-Сайде. Помню, был знойный августовский день. Абсолютный новичок в Нью-Йорке, я даже не умел остановить такси и шел пешком кварталов сорок от Центрального вокзала. Добрался весь на нервах и мокрый от пота, как свинья. Джудит протянула мне руку, я подал свою – и чуть не умер от унижения: утром я порезал палец и заклеил рану единственным пластырем, который нашелся в доме – детским, моего сына, с черепашками-ниндзя. Но редактор простила мне все оплошности – мы сразу подружились и до сих пор остаемся добрыми приятелями.

Незадолго до выхода «Доведенной до отчаянья» я дал своим родителям гранки посмотреть. Мама открывала почти

исключительно «Макколс»¹ и «Дамский домашний журнал», а папа часто хвастался, что после школы книг в руки не брал и даже программные не дочитывал. Три недели спустя он позвонил и сказал, что прочитал историю Долорес от корки до корки, и ему понравилось. «Только я удивился, что в конце ты ее не убил», – добавил он. «Это еще зачем?» – удивился я. «А вдруг она до сих пор где-нибудь тут болтается?»

Мама Джудит Реган, Рита, тоже решила, что Долорес живой человек, а не строчка на бумаге. «Она хочет познакомиться с Долорес», – сообщила мне Джудит. Я ответил, что с удовольствием познакомлюсь с миссис Реган. «Нет-нет, – возразила Джудит. – Вас мама видеть не хочет, только Долорес».

«Доведенная до отчаянья» увидела свет в июле 1992 года, и меня отправили в книжное турне по шести городам. Есть от чего закружиться голове школьного учителя, пусть даже аудитория, собиравшаяся в книжных магазинах, состояла порой из четырех-пяти работников, твердо решивших спасти ситуацию. Всякий раз я слышал одни и те же слова и вопросы от прочитавших историю Долорес: «Я все время переворачивала книгу и глядела на заднюю обложку – проверяла, точно ли автор мужчина... Как вам удавалось так верно писать от лица женщины?»

Сказать правду, повествовать от имени противоположного пола не показалось мне чем-то архисложным: я вырос в

¹ Журнал кройки и шитья. – Здесь и далее примеч. пер.

районе, где тон задавали мои старшие сестры и кузины, и с детства не видел в женщинах ничего таинственного. Плюс я девять лет получал отзывы от своих коллег с литературного, и наши дамы всегда без обиняков говорили, где я взял неверную ноту, что у меня случалось довольно часто. Но я многократно перечитывал и безжалостно правил рукопись. Хоть и писал от лица Долорес, ощущения у меня всегда были родительские. Часто, взяв ручку «Бик» и пригласив свою героиню поведать мне еще что-нибудь о жизни, я переживал за ее слова и поступки, совсем как отец не вполне контролируемой дочери. И тем не менее от постоянно повторявшихся вопросов и замечаний мне стало неуютно, будто я нарушил некое основное правило, о котором знали все, кроме меня. Поэтому, возвращаясь в гостиницу после каждой встречи с читателями, я снимал штаны и проверял, на месте ли мое мужское снаряжение. Снаряжение было на месте, и я с облегчением сверялся с маршрутом, соображая, куда поедет дальше, забираясь под одеяло и засыпал.

Когда очередным пунктом турне оказалась Калифорния, помощница Линды Честер Лори Фокс повела меня на бранч в прекрасное уличное кафе.

– Что это? – спросил я, когда она достала из сумки кипу листов формата А4. Лори ответила, что это контракт на книгу: издательство хочет, чтобы я написал новый роман, и готово заплатить аванс. «Как-то через задницу, – смутился я, – брать деньги за несделанную работу». Лори заметила, что у

меня очень нестандартный взгляд на вещи, и заказала мне еще «Шабли». К концу бранча я расписался на пунктирной линии, а к концу лета взял в школе академический отпуск и засел за второй роман, который через шесть лет превратился в «Я знаю, что это правда» – историю об идентичных близнецах, один из которых был шизофреником.

Едва Долорес и К° убрались с моего письменного стола и из моей жизни, начали приходить письма читателей – и телефонные звонки. Когда позвонила Опра Уинфри сказать, что прочла и полюбила «Доведенную до отчаянья» и я теперь должен ей две ночи сна, я тыкал пальцем в телефон и одними губами говорил жене: «Опра! Это Опра!» У Крис масса талантов, но по губам она читает плохо. «Копра? – допытывалась она. – Швабра? Папа римский, что ли?» Этот памятный звонок случился за пять лет до того, как Опра открыла свой феноменально популярный книжный телеклуб; тогда она снова позвонила сказать, что «Доведенная до отчаянья» у нее третья в списке книг, рекомендованных для чтения миллионам телезрителей. Но первый звонок не имел отношения к шоу: Опра хотела сообщить как читатель писателю, что история Долорес тронула ее до глубины души и она рада, что я написал эту книгу. Ее слова до сих пор остаются для меня вишенкой на рожке мороженого, которое началось позже.

Спустя двадцать лет у меня набралось несколько пластмассовых ведер с письмами читателей, в основном о «До-

веденной до отчаянья». Я тогда уже сменил двух литературных агентов и написал четыре романа. Я бережно храню все письма, но особенно дорожу поступившим вскоре после выхода романа посланием от молодого душевнобольного – «резчика», который неоднократно пытался заглушить душевную боль, нанося себе порезы. Ниже привожу отрывок из его письма:

«Я пишу не душу изливать, мистер Лэмб. За два с половиной года лечения в Институте Жизни я много читал и размышлял, и мне пришла в голову нелепая мысль/фантазия – кого из литературных персонажей я бы пригласил на званый ужин. Прискорбно инфантильный в свои двадцать семь лет, я позвал бы Холдена Коулфилда (Сэлинджера), Джейка Барнса (Хемингуэя), Эдну Понтелье (Кейт Чопен) и Кролика Ангстрема (молодого) (Джона Апдайка). Так вот, хочу вам сообщить, что мое приглашение распространяется и на Долорес Прайс. Ребенком я не был таким толстым, как Долорес, но когда я попал в Институт Жизни, мне кололи торазин и много еще чего, и я живо набрал пятьдесят килограммов. И хотя топиться, как Долорес, я не пробовал – я же мужчина, сцена сдохлым китом меня потрясла: мне казалось, Долорес борется за меня. А когда на поверхность пенным кругом поднялись пузырьки воздуха (перед тем, как киту всплыть на поверхность), я искренне за нее обрадовался. Спасибо, что написали эту книгу. Передавайте Долорес горячий привет.

*Шалом,
Дэвид Ф.*

Р. С. Вас не бесит, что люди покупают книжки собачонки Милли или Раша Лимбо, когда могли бы обрести друга на всю жизнь, познакомившись с Долорес Прайс? Не понимаю таких олухов. Ну и черт с ними. Уверен, ваш роман станет бестселлером».

Письмо Дэвида Ф. вызвало у меня смех и слезы, совсем как сама Долорес, пока я рассказывал ее историю. Я тогда решился на небольшое детективное расследование (дело было до принятия закона об унификации и учете в области медицинского страхования) и, против ожиданий, выяснил его фамилию и телефон. Я позвонил поблагодарить за смелое и удивительное письмо и сказать Дэвиду Ф., что ему нужно пробовать себя в литературе. Шокированный моим звонком, он общался с болезненной застенчивостью, а когда я сказал, что надеюсь когда-нибудь с ним встретиться, Дэвид извиняющимся тоном ответил, что он бы с удовольствием, но личную встречу ему не осилить. После этого у нас завязалась дружба по переписке, которая длится по сей день.

Через пять лет после письма от Дэвида Ф. Опра сделала «Доведенную до отчаянья» бестселлером номер один по версии «Нью-Йорк таймс» и «США сегодня». Статья в «Бостон глоуб» в январе 1997 года о выборе романов для книжного клуба Опри (первой в списке значилась книга, написан-

ная мужчиной) лучше всего описывает водоворот всеобщего внимания, в который я неожиданно попал. Над моей большой фотографией, сделанной на уроке со старшеклассниками (шнурок развязан, на лице недоумение), красовалась надпись: «Какой такой Уолли?»

В далеком 1981 году, став отцом и начав писать рассказы, я и подумать не мог, сколько всего случится, хорошего и плохого: 11 сентября и Колумбайн², популярность электронных книг, потеснивших печатные, закат эры пишущих машинок и их преемников, матричных принтеров, смерть моих родителей и рождение младших братьев Джареда – Джастина и Тедди. Сегодня малыш, которого я подбросил к потолку от радости, что мой рассказ сочли достойным публикации, уже ровесник меня тогдашнего. Джареду тридцать один, он директор Новоорлеанской академии руководящих кадров – независимой школы в рамках программы «Знание – сила», открытой им для детей новоорлеанского гетто после урагана «Катрина».

Тогда я этого не знал, равно как и не представлял, что случится зимним вечером 2008 года незадолго до выхода моего третьего романа «Час, когда я впервые поверил». Я читал отрывок из книги перед большой, благожелательно настроенной аудиторией в баре «Русалочка», забегаловке в Нью-

² Речь идет о массовом убийстве в школе Колумбайн в 1999 году – 37 раненых, из них 13 смертельно (организаторы бойни, два ученика старших классов, застрелились).

Хейвене. Когда у слушателей иссякли вопросы и я собрался уходить, ко мне подошел красивый здоровяк лет сорока с лишним. «Здравствуйте, Уолли, это я, – сказал он. – Хочу вам сообщить – я наконец воспользовался вашим советом. Меня приняли в магистерскую программу по литературному творчеству в Фэйрфилдский университет. Теперь я смогу рассказать мою историю». Передо мной стоял мой друг по переписке с шестнадцатилетним стажем Дэвид Ф. – Дэвид Фицпатрик. Чудесным образом правильное сочетание психотерапии и психотропных препаратов дало длительную ремиссию душевной болезни, изолировавшей его от мира. «Я встретил прекрасную женщину, – сказал он. – Мы с Эми обручились». В октябре прошлого года мы с Крис побывали на свадьбе Дэвида и Эми – самом радостном и торжественном событии, какое только можно себе представить, а еще через несколько месяцев я читал гранки мемуаров Дэвида о мучительном путешествии в безумие и возвращении в здравый рассудок. «Харпер Коллинз» опубликует «Шарпа» примерно в то же время, когда «Атрия букс» выпустит шикарное юбилейное издание «Доведенной до отчаянья» в честь двадцатилетия создания романа. Приятно думать, как на полках книжных магазинов наши книги будут стоять обложка к обложке и составят друг другу компанию.

Я рад, что не убил Долорес Прайс, как советовал папа, и что время ее тоже не прикончило. На встречах с поклонни-

ками я до сих пор слышу, что, читая «Доведенную до отчаянья», люди то и дело посматривают на последнюю обложку с моей фотографией, не веря, что мужчина столь убедительно влез в голову женщины. Однажды на фешенебельном официальном мероприятии по сбору средств в Линкольн-центре журналистка Лиз Смит представила меня собравшимся, заявив, что я вызвал немалый шум, начав думать как женщина, и хотя много мужчин не прочь сделать то же, их интересует вовсе не голова. Попробуйте подняться на сцену после такого вступительного слова! Комментарии и вопросы по поводу пола меня уже не беспокоят. Мой пятый роман «Мы – вода», который скоро увидит свет, рассказан восемью разными голосами – четырьмя мужскими и четырьмя женскими. Если мужчины с Марса, а женщины с Венеры, может, я просто межгалактический путешественник?

Иногда, заходя в ближайший книжный, я приветственно машу рукой луноликой героине на обложке «Доведенной до отчаянья», моей вымышленной дочери, чья история переведена на шестнадцать или семнадцать языков. Я рад, что она до сих пор где-то рядом: значит, и я недалеко.

Уолли Лэмб

Коннектикут, 2012 г.

Часть I

Леди печального образа

Глава 1

Одно из моих самых ранних воспоминаний: мы с матерью стоим на крыльце арендуемого дома на Картер-авеню и смотрим, как двое грузчиков заносят новенький телевизор. Я в восторге, потому что о телевидении я слышала, но еще не видела. Мужчины одеты в рабочие комбинезоны того же цвета, что и коробка, которую они втаскивают, карабкаясь по бетонным ступенькам боком, как крабы в Рыбачьей бухте. На этом независимая часть заканчивается: дальше зрительная память настаивает, что грузчиками у нас были президент Эйзенхауэр и вице-президент Никсон.

В гостиной куб со стеклянной стороной извлекли из коробки и водрузили на высокий пьедестал.

– Осторожнее, – вырвалось у матери, хотя она не тот человек, чтобы командовать людьми, тем более мужчинами. Мы стояли и смотрели, как грузчики возятся с телевизором, а потом президент Эйзенхауэр обратился ко мне:

– Ну-ка, девочка, поверни вот эту кнопочку. – Мать кивнула, разрешая, и я подошла. – Вот так, – сказал он, и я по-

чувствовала его жесткую, мозолистую руку поверх моей, а под пальцами – пластмассовую ручку вроде тумблеров на отцовском тестере. Иногда, когда отец начинал кричать на маму, я уходила в коридор, брала тумблер в рот и сосала, водя языком по бороздчатым бокам. Я одновременно слышала и почувствовала, как заработал телевизор: из ящика раздалось шипенье и голоса.

– Смотри, Долорес! – произнесла мать. В центре зеленого стеклянного лица появилась звезда, расширилась и превратилась в двух женщин за кухонным столом, обладательниц голосов. Я заплакала. Кто так уменьшил этих тетенок? Они живые, настоящие? Шел 1956 год, мне было четыре. Я не того ожидала. Грузчики и мама смеялись над моим испугом, забавляясь им. Или же умилялись и старались меня утешить? Воспоминания о том дне у меня сродни телевизору: четкие, но ненадежные.

Телевизор мы не покупали – это был подарок миссис Мэсикотт, богатой вдовы и начальницы моего отца. Прошлой весной миссис Мэсикотт наняла его покрасить некоторые из ее огромных высоток. Так начались их отношения. Затем она уговорила отца перекрасить его собственный фургон в ее любимый персиковый цвет, а на дверцы нанести трафаретную надпись «Генеральный менеджер «Мэсикотт пропертис»». Телевизор стал как бы подарком отцу за согласие.

Дальше вспоминается папа, который машет нам с мамой рукой и спускается со стремянки с аэрозольным пистоле-

том в руке. Мы тогда привезли ему обед в нашей бирюзово-вой с белым машине. Спустившись, отец снимает респиратор. Шум пытящего оранжевого воздушного компрессора отдается в горле и ногах. Папа его выключает, и внезапная тишина очень приятна. На папиных волосах, ушах и бровях капли краски – остальное закрывает респиратор. Я отвожу взгляд, когда говорит его чистый рот.

Мы обедаем на траве. Отец ест сэндвичи с пахучими продуктами, которые мы с мамой не едим: ливерной колбасой, маринованными перцами, лимбургским сыром. Он пьет горячий кофе прямо из термоса, и его кадык двигается вверх-вниз при каждом глотке. Папа говорит «она» так, что мне непонятно: не то «она» – это наполовину побеленный снаружи дом миссис Мэсикотт, не то сама старуха.

Старуха. Мне уже почти сорок, я приближаюсь к возрасту миссис Мэсикотт. Сейчас мне столько лет, сколько было тогда моим родителям. Когда они сидели на лужайке, смеялись и сдували на меня пушинки одуванчика. Курили одну сигарету «Пэлл-Мэлл» на двоих и считали миссис Мэсикотт ключом к их будущему. А черно-белый телевизор «Эмерсон» был для них просто подарком, свободным от любых уз и нитей, с которых начала распускаться наша семья.

Просмотр телевизора прочно вошел у меня в привычку – можно сказать, я под него жила.

– Иди во двор поиграй, Долорес, ты же телевизор пере-

жжешь, — говорила мать, проходя через гостиную. Но положенная на него ладонь чувствовала тепло, а не обжигающий жар, комфорт, а не опасность вроде живущего напротив мальчишки, который швырялся камнями. Иногда я поворачивала ручку громкости до отказа и прижимала к полированному боку ладонь, впитывая вибрацию.

Мама сразу бросала хлопотать по хозяйству, как только начиналась ее любимая передача «Королева на день». Мы садились рядышком на диван, я забрасывала ногу на мамины ноги, и мы слушали женщин, у которых дети остались инвалидами после перенесенного полиомиелита или на чей дом обрушились молнии, смерти и разводы. Героиня передачи с наиболее тяжелой жизнью получала самые громкие аплодисменты и меняла свои невзгоды на вельветовый плащ, букет роз и современную домашнюю технику. Я хлопала вместе со студией — дольше и громче тем женщинам, которые не выдерживали и начинали плакать во время своего рассказа. У меня ладони жгло, так я за них болела.

В обязанности отца как менеджера миссис Мэсикотт, помимо окраски домов изнутри и снаружи, входили ответы на жалобы жильцов и сбор ежемесячной ренты. Этим он занимался в первую субботу каждого месяца, разъезжая от дома к дому на персиковом «Кадиллаке» миссис Мэсикотт. Когда я пошла в первый класс, мне объявили, что я уже взрослая и буду ездить с папой; моей обязанностью стало звонить в дверные звонки. Моему отцу никто не радовался, а меня в

основном не замечали, и я подглядывала в сумрачную глубину квартир, вдыхала запахи чужих кухонь и подслушивала включенные телевизоры.

Миссис Мэсикотт любила пиво, смех и танцы, поэтому винный магазин был одной из наших постоянных субботних остановок.

– Ящик «Рейнголда», в бутылках, – говорил отец пожилому продавцу, которого звали Куки, что меня безмерно смешило. Куки всегда протягивал мне ириску в целлофановой обертке и, благодаря заказу миссис Мэсикотт, давал возможность выбрать Мисс Пиво «Рейнголд». Для этого нужно было опустить карточку в картонную коробку у кассы, служившую урной для голосования. Раз за разом я отдавала свой голос одной и той же рейнголдовской девушке. Ее темные волосы и ярко накрашенные улыбающиеся губы напоминали мне Жизель Маккензи из «Твой хит-парад» или мою маму, самую красивую из них троих.

Собственной смуглой красотой отец гордился и тщательно берег. Помню, как мне приходилось порой попрыгивать у розовой двери туалета на Картер-авеню, чтобы не описаться, пока папа не торопясь закончит бриться. Когда он выходил, я становилась на табурет среди пара и аромата незакрытого «Олд Спайса» и глядела, как колеблется и сочится каплями мое лицо в зеркальной дверце аптечки. Папа поднимал гантели и штангу в подвале – босиком, в нижней рубашке и желтых плавках. Иногда после этого он расхаживал по кух-

не, поигрывая перед мамой мускулами, или хватал металлический тостер и целовал свое отражение.

– Это у тебя не тщеславие, а искренняя убежденность! – смеялась мама.

– Что, скажешь, плохой у тебя муж? – И отец начинал бегать по кухне, щелкая кухонным полотенцем по нашим попам. Мы с мамой вопили и протестовали, в восторге от этой игры.

Когда появился телевизор, папа перенес гантели из подвала в гостиную и качался перед любимыми программами. Он предпочитал викторины – «Вопрос на 64 000 долларов», «Тик-так пончик» и «Победитель получает все». Иногда его сиплое дыхание и резкие ритмичные движения нарушались выкрикиваемыми раньше игроков ответами, а если те отвечали неправильно, в их адрес летела ругань.

– Ну, – говорил он маме, – еще один олух облажался. На одного пролетария больше. Нашего полку прибыло.

Папино презрение к олухам казалось как-то связанным с его способностью поднимать тяжести.

Послушать отца, так мы должны были стать богачами. Денежки, по его убеждению, сами плыли к нам в руки и оказались бы нашими, не продай его скудоумные родители тридцать акров земли в Рыбачьей бухте за три тысячи долларов мистеру Вайсу за месяц до того, как утонуть во время Большого урагана 1938 года. Во время Великой депрессии, пришедшей как раз на совершеннолетие моего отца, Рыбачья

бухта была сырым углом, заросшим спартиной и голубикой и застроенным деревянными хибарами с сортиром во дворе. Когда папа поступил работать к миссис Мэсикотт, Рыбачья бухта уже превратилась в благоустроенный район миллионеров, среди которых был и сын мистера Вайса, живший через два особняка от миссис Мэсикотт и зарабатывавший игрой в гольф.

Отец прощал миссис Мэсикотт ее богатство, потому что она не была жадной – «сорила деньгами», по его выражению. Кроме телевизора, в потоке подарков были качели для меня и кухонная утварь для мамы (набор темно-коричневых стаканов для сока и черное ведро для льда на бронзовых ногах с когтями). Папа обзавелся твидовой спортивной курткой, кожаными перчатками на кроличьем меху и восхитившими меня наручными часами на ремешке «твист-о-бенд», который можно согнуть, но нельзя сломать.

– Давай, жиденок, добавь в свою заначку еще пару тысячонок, – крикнул отец как-то вечером, как всегда, качая мышцы перед телевизором. Показывали «Вопрос за 64000 долларов»; победитель, в круглых очках и с лоснящимися щеками, только что торжествующе вышел из ревлоновской звукоизолированной кабинки.

– Не нужно так говорить, Тони, – не выдержала мать.

Глаза отца метнулись с экрана на жену. Он махал гантелями над головой.

– Чего не нужно говорить?

Мама указала на меня подбородком.

– Я не хочу, чтобы она слышала такие вещи.

– Какие вещи? – повторил отец.

– Ой, все, – бросила мама и вышла из гостиной. Гантели грохнулись об пол – так громко и неожиданно, что сердцу на секунду стало тесно в груди. Папа пошел за мамой в спальню.

На той неделе он уже принес от миссис Мэсикотт толстый альбом для рисования и коробку цветных карандашей «Крейола» в несколько ярусов. Открыв альбом на середине, я нарисовала лицо красавицы, сделав ей длинные загнутые ресницы, алую помаду, крашенные «жженой сиеной» волосы и корону. «Привет, – сказала мне красавица. – Меня зовут Пэгги, мой любимый цвет – фуксия».

– И никогда – никогда! – не смей мне указывать, что я могу и чего не могу говорить в собственном доме! – орал отец в спальне.

Мама плакала и извинялась.

Позже, когда отец грохнул дверью спальни, прошел мимо меня и уехал, мать долго лежала в ванне, когда мне уже давно пора было ложиться спать. Я пол-альбома изрисовала подробностями жизни Пэгги.

Обычно мать сразу меня прогоняла, если я заставляла ее голой, но папин гнев сделал ее безучастной и отстраненной. Пепельница на краю ванны была полна окурков «Пэлл-Мэлл». Висевший в ванной густой дым колыхнулся, когда я вошла.

– Смотри, какая тетя, – сказала я. Мне хотелось утешить маму, но она похвалила рисунки, не взглянув.

– Папа злой? – спросила я.

Мать помолчала – я даже подумала, что она не слышала вопроса.

– Иногда, – ответила она наконец.

Ее груди показывались и вновь исчезали под слоем мыльной пены. У меня впервые появилась возможность их рассмотреть. Ее соски походили на шоколадные «Тутси роллс».

– Он злится, когда чувствует себя несчастным.

– А почему он чувствует себя несчастным?

– О... – произнесла мать. – Ты еще слишком маленькая, не поймешь.

Она резко повернулась ко мне и перехватила мой взгляд на ее блестящие, мокрые груди. Со всплеском прикрылась руками и снова стала моей мамой.

– А ну, шуруй отсюда, – сказала она. – Вовсе папа не злой, что ты выдумала?

Арендаторы миссис Мэсикотт платили ренту наличными, отсчитывая двадчатки в протянутую руку моего отца. В удачные субботы, когда кожаная, на молнии, сумка миссис Мэсикотт наполнялась деньгами, папа обращал внимание на меня. Ему нравилось, как я копирую телевизионную рекламу:

Я Чикита Банана, и я пришла сказать —
Бананам нужно правильно созреть.

Или:

Махни через Аме-ерику на своем «Шевроле»!
Америка – самая вели-икая страна!

Снова и снова я распевала рекламные ролики, которые папа любил больше всего. Иногда мы играли в «бешеные гонки» на извилистых дорогах, ведущих в Рыбачью бухту. Я сидела на заднем сиденье, изображая миссис Мэсикотт, и командовала отцу прибавить скорость.

– Ладно, мэм, вы готовы, мэм? Поехали! – Я хваталась за персиковую бархатную веревку, натянутую поперек передних сидений, а папа закладывал крутые виражи и пролетал над кочками. – Чувствуешь, какие аристократические амортизаторы, Долорес?словно в гостиной на диване сидим! – А однажды он сказал: – Эта тачка наша! Я купил козырный «кадди» у старухи!

От мягкой обивки шел запах духов миссис Мэсикотт, и я знала, что отец говорит неправду – это в те-то годы, когда я верила почти всему и думала, что ссоры родителей – это просто такая шумная любовь, как у Люси и Рики Рикардо.

Субботние деловые поездки каждый раз заканчивались на длинной подъездной дорожке в Джефферсон-драйв, где белоснежный особняк миссис Мэсикотт, похожий на свадеб-

ный торт, глядел с высокого берега на Лонг-Айленд Саунд. Мы въезжали в темный, прохладный бетонный гараж, где дверцы «Кадиллака» хлопали особенно громко, поднимались по лестнице и открывали дверь, не постучавшись. За дверью была персиковая кухня, от которой я невольно щурилась.

– Веди себя хорошо, – всякий раз предупреждал отец. – Не забывай говорить «спасибо».

В кухне я ждала, пока папа и его начальница заканчивали еженедельные дела – за две комнаты от кухни. Хотя миссис Мэсикотт относилась ко мне с тем же безразличием, что и ее жильцы, она всякий раз заботилась о моем досуге. Стол оказывался уставлен тарелками с домашним печеньем, и лежали толстые книжки с глянцевыми страницами, картинками и бумажными куклами, которые можно было выдавить из картонного трафарета. Компанию во время этих бдений мне составляла Зара, толстая рыже-коричневая кокер-спаниель миссис Мэсикотт, сидевшая у моих ног и провожавшая взглядом каждое печенье, которое я съедала.

Миссис Мэсикотт и мой отец смеялись и громко разговаривали, а иногда включали радио (у нас дома приемник был простой пластмассовой коробкой, а у миссис Мэсикотт радиола являлась частью обстановки).

– Ну, скоро мы поедem? – спрашивала я папу, когда он выходил в кухню проверить, как я тут, или взять еще пару «Рейнголдов».

– Через пару минут, – всегда отвечал он независимо от того, сколько на самом деле они собирались просидеть.

Я хотела, чтобы по субботам папа был дома и смеялся с мамой, а не с миссис Мэсикотт, у которой были желтовато-белые волосы и маленькое толстое тельце, как у Зары. Папа обращался к миссис Мэсикотт по имени, Лу-Энн, а мама ее называла просто «она». «Это она», – говорила мама отцу всякий раз, когда телефонный звонок прерывал наш ужин.

Иногда, если встречи затягивались безо всяких причин или отец с миссис Мэсикотт смеялись слишком громко, я подзадоривала себя на скверные проделки, которые затем и совершала. Однажды замалевала лица всех персонажей в дорожной книге сказок, в другой раз намочила губку и швырнула ее в морду Зары. Я регулярно дразнила собаку печеньем, до которого – я специально следила – ей было не достать. Мои поступки – каждый из которых напрашивался на отцовский гнев – шокировали меня и доставляли удовольствие.

Во втором классе у меня были длинные волосы. Утром перед школой мать расчесывала запутанные пряди, собирала в хвост и давала мне пол чайной ложки «Маалокса», чтобы успокоить мой нервный желудок – учительница миссис Нелкин любила поорать. Большую часть учебного года я старалась быть послушной – правильно заполняла пропуски на всех карточках, бесшумно передвигала по парте деревянную рамку с алфавитом и ни с кем не болтала.

– Не порти себе нервы из-за этой старой склочницы, – говорила мама. – Лучше думай о малыше, который вот-вот появится!

Братик или сестричка должен был появиться в феврале 1958 года. Когда я спросила, как младенец попал к маме в живот, родители засмеялись, и папа ответил, что они сделали его сами, своими телами. Я представила, как родители, полностью одетые, сильно-сильно трутся друг о друга, как две палочки, с помощью которых добывают огонь.

Всю осень и зиму я уговаривала куклу пить молоко, поднося к ее рту бутылочку, и старательно терла ее резиновую кожу в теплой воде в раковине. Я хотела девочку, папа – мальчика, а маме было все равно, лишь бы здоровенький.

– А как он вылезет? – спросила я маму уже в конце срока.

– Ой, да неважно, – только и ответила она.

Я представила, как она лежит на больничной кровати, спокойная и улыбающаяся, и ее огромный живот расходится посередине, как ширинка на брюках.

За завтраком в день школьного праздника по случаю Дня святого Валентина мама решила по-другому разложить в ящике столовое серебро и так расстроилась, что поплакала.

Праздник всех влюбленных оказался пятнадцатиминутным разочарованием после уроков. Когда «вечеринка» подошла к концу и мы натягивали сапоги, пальто и вязанные шапки, ко мне подошла миссис Нелкин и велела остаться за партой, несмотря на звонок с урока. Папа позвонил в школу

и сказал, что заберет меня. Я сидела в тишине пустого класса в пальто и шапке, со стопкой «валентинок» на коленях. Когда детей в классе нет, можно расслышать легкий скрип, с которым двигаются стрелки настенных часов. Мистер Хорвак, школьный сторож, недовольно бурча, подметал крошки после нашего «праздника», а миссис Нелкин проверяла контрольные, не поднимая глаз.

Забирать меня пришла бабушка Холланд с Род-Айленда, мамина мама. Они с миссис Нелкин так шептались у доски, что у меня возникло подозрение – уж не знают ли они друг дружку. Затем непривычно сладким голосом миссис Нелкин сказала, что я могу идти.

Но домой мы не пошли. Спустившись по длинной школьной лестнице, мы сели в поджидавшее такси и поехали в собор Св. Павла. По дороге бабушка сказала, что маму забрали в большую больницу в Хартфорде из-за возникших «женских проблем», и папа поехал с ней. Мамы не будет минимум две недели, поэтому я пока поживу у бабушки. Ребенка никакого не будет, и ничего тут не поделаешь. На ужин мы ели сушеную говядину под белым соусом.

У святых на церковных витражах был такой же измученный вид, как у женщин из «Королевы на день». Бабушка вынула свои фасолевые четки и забормотала молитвы крестного пути, а я шла за ней, роняя «валентинки» и гулко задевая ногами деревянные скамьи. Свечки, которые мы зажгли, стояли в темно-коричневых чашечках, напоминавших бока-

лы для сока от миссис Мэсикотт. Держать открытый огонь бабка мне не разрешила, зато доверила опустить монетки в металлический ящик – два десятицентовика за две свечки, звяк-звяк.

Когда папа в ту ночь приехал домой, он прилег на мою кровать и читал мои «валентинки». Говоря о маме, он смотрел в потолок. Каким-то образом, сказал он, к ней в живот вместе с ребенком попал и шнур (я представила бархатный шнурок поперек передних сидений в автомобиле миссис Мэсикотт). На выходе младенец обвил его вокруг шеи и задохнулся. Это был мальчик – Энтони-младший. Отец говорил, и слезы текли по его лицу, как растопленный воск по свечке. Папины слезы меня шокировали: до той минуты я считала, что мужчины от природы не способны плакать, как не способны, например, рожать детей.

Мне не нравилось присутствие бабушки. Она спала на детской кроватке в моей комнате и всякий раз на ужин что-то варила. Это негигиенично, говорила она, что папа пьет воду прямо из горлышка бутылки. Стыдоба, что ее единственная внучка дожила до семи лет, и ее никто не научил молиться. И еще, по словам бабушки, ее достал мой вопрос – когда вернется мама. Она и так делает все возможное, чтобы был порядок.

Сидя перед телевизором, бабушка вязала крючком, хмурясь то на экран, то на свои колени. Ей нравились мыльные оперы. В ее любимом сериале, «На пороге ночи», одна бо-

гачка тайно убила мужчину, воткнув ему в шею нож для колки льда, а засудили красавицу из бедной семьи.

– Поглядите на миссис Высокопоставленную и Со Связями, – сказала бабушка, шурясь на настоящую убийцу, сидевшую в зале суда. – Виновна, как грех!

Мой талант подражательницы оказался незаменимым в общении с бабушкой. Я выучила для нее десять заповедей и молитву под названием «Аве, Мария» о людях, скрежещущих зубами в страшном месте под названием Долина Слез. Пораженная моей памятью, бабушка пообещала, что я пойду к первому святому причастию в прелестном белом платье и фате. По утрам она насмехалась над моими страхами, заявляя, что маленьким девочкам рано принимать «Маалокс», и отправляла меня к миссис Нелкин безо всякой защиты.

За день до маминого возвращения из больницы папа разрешил мне не идти в школу. Мы погрузили игрушки, колыбель и ванночку Энтони-младшего в персиковый пикап и отвезли на свалку. По дороге папа сказал, что теперь наша задача – развеселить маму и вообще не говорить про ребенка. Мне это показалось резонным – не мамина же вина, что младенец умер, это сглупил сам Энтони-младший.

Папа швырнул новенькую нежно-зеленую колыбельку на груды старых матрасов и пустых банок из-под краски и, тяжело дыша, вернулся в фургон. Он гнал машину по неровной дороге, и я подсказывала на сиденье, ударяясь о дверь. Перед машиной разлетались чайки, люди выпрямлялись над

своим мусором и смотрели на нас. Я оглянулась на непригодившееся приданое Энтони-младшего, быстро удалявшееся от нас, и впервые поняла никчемность его жизни.

Папа ехал в Рыбачью бухту.

– О, нет, только не к ней, – жалобно попросила я. – Сколько мне там сидеть?

Но папа не свернул в конце длинной аллеи на Джефферсон-драйв, а проехал мимо и выбрал другую дорогу. У бесплатного лодочного причала он остановился, и мы вышли на шаткую пристань. Холодный весенний ветер раздувал папин хрустящий нейлоновый плащ.

– Видишь? – спросил папа и показал на серую рябую воду Лонг-Айленд Саунда. – Когда я был в твоём возрасте, я видел кита вон там, за красным бакеном. Кит плыл на юг и заблудился. Застрял на отмели.

– И что было?

– Ничего плохого. Плавал тут пару часов, все на него смотрели, а когда начался прилив, большие лодки вытолкали его в открытое море.

Отец присел на одну из свай с измученным и печальным видом; я знала, что он думает о маме и младенце. Я очень хотела его подбодрить, но распевать рекламные ролики казалось неуместным.

– Пап, слушай, – сказала я. – Я Господь Бог твой, и да не будет у тебя иных богов перед лицом моим. – Отцу явно было тягостно слушать пересказ десяти бабушкиных запове-

дей, длинных и пустых, как клятва верности³, которую мы каждый день повторяли за миссис Нелкин. – Не возжелай жены ближнего своего. Не возжелай добра ближнего своего...

Папа дождался, пока я закончу, сказал, что у воды слишком холодно, и велел забираться в чертов фургон.

Мама вернулась домой с опухшими веками и с пустым под широкой блузкой животом. Дом наполнял запах гвоздик, присланных миссис Мэсикотт. Больше всего мама, по ее словам, хотела побыть одна.

Она не вылезала из пижамы все весенние каникулы, рассеянно улыбаясь моим рассказам, кукольным представлениям, пародиям на телерекламу и жалобам.

– Оставь ее пока в покое, – твердила бабушка. – Не надо-едай ей.

Уезжать бабушка не собиралась.

На уроке мой сосед по парте, Говард Хэнсин, поднял руку. До того момента я совершенно нейтрально относилась к Говарду и оказалась абсолютно не готова к тому, что он скажет, когда миссис Нелкин дала ему слово:

– А Долорес Прайс жует свой алфавит! Она его каждый день жует.

Весь класс обернулся и уставился на меня.

Я хотела возразить, но посмотрела на парту и вдруг по-

³ То есть клятва верности американскому флагу.

няла, что это правда: составлявшие слово картонные буквы оказались помятыми, кривыми и некоторые еще темными от моей слюны. Один квадратик с буквой находился у меня за щекой, когда подошла миссис Нелкин. Я была виновна, как грех.

Кричать учительница не стала. Она чуть повысила голос, обращаясь к Говарду и, автоматически, ко всем присутствующим в классе:

– Видимо, Долорес считает это нормальным и остроумным. Видимо, она думает, что учебные пособия растут на деревьях и мне достаточно руку протянуть, чтобы положить ей на парту коробку с новым алфавитом. Но я этого не сделаю, Говард. Пусть до конца года пользуется жеваным, да?

Говард не ответил. Миссис Нелкин прошла по нашему ряду обратно к доске, постукивая каблуками по навощенному деревянному полу, взяла мел и начала писать, мотая обвисшей кожей над локтями. Я не дышала, пока не увидела, что пишет она не обо мне.

Придя домой, я услышала, как отец кричит в спальне, и побежала в безопасную гостиную. С него, черт побери, хватит слезливых мелодрам, он тоже ребенка потерял, Господи помилуй! Хватит – значит хватит! Грохнула входная дверь. Слышно было, как бабушка прошла из кухни в спальню. Мама голосила и голосила, а бабушкины уговоры звучали ровным неразборчивым рокотом.

Работал телевизор. Какой-то дядя в костюме рассказывал

о Второй мировой войне. Я осела на диван, не имея сил переключить канал.

Из брюха самолета сыпались бомбы, приветственно махали марширующие солдаты, и тут я испугалась как никогда в жизни, сильнее, чем в тот вечер, когда папа с грохотом бросил гантели на пол: на экране похожие на скелетов люди в каких-то подгузниках тащились по дороге в гору. Провалившиеся глаза глядели прямо на меня, приглашая в бабушкину Долину Слез. Я хотела выключить телевизор, но боялась даже подойти близко, поэтому дождалась, пока начнется реклама, заперлась в ванной и выпила «Маалокс» прямо из пузырька.

В ту ночь я проснулась от собственного крика: приснилось, что миссис Нелкин взяла меня на пикник, а потом спокойно и деловито сообщила, что сэндвичи, которые мы едим, сделаны с мясом моего мертвого братишки.

Первым в комнату, спотыкаясь, ворвался папа с разломаченными волосами и в одних трусах. За ним прибежала бабушка, а потом мама. Я вдруг ощутила власть и вдохновение и продолжила кричать.

Мама обняла меня и принялась укачивать.

– Будет, будет, не надо, ш-ш-ш. Успокойся. Скажи, что случилось? Скажи нам.

– Это все она, – выдавила я. – Ненавижу ее.

– Кого ненавидишь, детка? – спросил папа. – Кого ты ненавидишь? – Он присел на корточки, чтобы лучше расслы-

шать мой ответ.

Я имела в виду миссис Нелкин, но, пока говорила, передумала и указала мимо отца на бабушку, стоявшую в своем коричневом вельветовом халате, подчеркивающим худобу лица.

– Ее, – заявила я. – Пусть она уедет!

Назавтра была суббота. Утром я смотрела мультики в гостиной, когда из спальни вышла полностью одетая мама и спросила меня, что я буду на завтрак.

– Блины, – ответила я, будто последние месяцы прошли как обычно. – А где папа?

– Повез бабушку на Род-Айленд.

– Она уехала?

Мама кивнула:

– Уехала, когда ты еще спала. Просила за нее с тобой попрощаться.

Новообретенной власти мне хватило, чтобы изгнать бабушку Холланд, но не миссис Мэсикотт. Каждую субботу я отправлялась в ее дом, любезно благодарила за подарки и наблюдала.

Однажды миссис Мэсикотт дала мне ножницы, книгу с бумажной куклой Бетси Макколл и, как всегда, тарелку сахарного печенья. Я съела несколько штук, подразнила Зару еще парочкой и принялась выдавливать Бетси из картонной страницы. Затем вырезала самое красивое платье и прикре-

пила его на кукле.

– Смотри, Зара! – скомандовала я кокер-спаниелихе.

Я подошла к плите, открыла газ и поднесла куклу Бетси к голубому пламени. Интуиция мне подсказывала, что из всех проказ, которые можно устроить в доме миссис Мэсикотт, это самая худшая, и папа так на меня рассердится, что сорвется на маму. «На помощь! – умоляла Бетси, чье бумажное платье чернело и закручивалось. – Зара, помоги! Спасите меня!»

Я хотела напугать или хотя бы привлечь внимание закормленной собаки, но когда я оглянулась, Зара не сводила глаз с печенья. Она смотрела на него так пристально, что я на секунду забыла о пламени и обожгла большой и указательный пальцы.

Моя история – это история вождения, сомнительный отчет о страстях и проблемах; она берет начало в тот день 1956 года, когда нам доставили телевизор. Память то и дело отправляет меня в детство: вчера ночью я снова оказалась на кухне миссис Мэсикотт, отвернувшись от пылающей бумажной куклы, чтобы взять у толстой Зары первый урок неудержимой алчности, власти желания.

– Зара, взгляни, я же гибну! – стонала я. – Помоги мне, пожалуйста!

Но собака неотрывно, не мигая, смотрела на печенье с сахарной коркой.

Глава 2

Когда мне исполнилось десять с половиной, мы переехали в Тритоп Эйкрс. Там не было холмов, зато имелись новые тротуары, очень подходящие для катания на велосипеде.

В желтом одноэтажном домике номер двадцать шесть по Боболинк-драйв был гараж и душевая кабина с раздвижными стеклянными дверцами. За окном моей комнаты росла плакучая ива, и ветреными ночами ветви стучали по жалюзи. Этот дом мы не сняли, а купили.

Миссис Мэсикотт владела частью Тритоп Эйкрс, так что нам по знакомству достался двойной участок. К этому времени она приобрела себе новый серебристый «Кадиллак» (старый персиковый отдала моему отцу), набор клюшек для гольфа и членство в загородном клубе. К обязанностям моего отца прибавилась еще одна – играть с миссис Мэсикотт в гольф по выходным.

В свободное от старухи время папа занимался газоном – ровнял, засеивал травой, насвистывая, возил на тачке грязь с одного конца участка на другой. Он очень гордился, что двор у нас вдвое больше, чем у всех соседей. Каждый вечер он работал до темноты, превращаясь сперва в еле различимый силуэт, потом в белую майку, которая сама двигалась в сумерках, и, наконец, просто в свист.

Мама выгладила и повесила шторы и посадила за домом

клумбу розовых далей, но цветы радовали ее недолго. В новом доме ее одолела аллергия, она жаловалась и брызгала в нос каким-то спреем по несколько раз на дню. А еще маму трясло при виде малышей, игравших на нашей тихой улочке без присмотра. Ее нервы сразу бы вылечились, говорила она, если бы сдать задом из гаража на нашем чертовом «Кадиллаке» и сбить кого-нибудь из соседских детей.

Джанет Норд, моя новая лучшая подруга, жила в доме десять на Скайларк-плейс, восемь десятых мили от нашего дома, согласно одометру на моем розовом велосипеде. Я познакомилась с Джанет, когда первый раз объезжала район. Увидев девочку примерно моего возраста, крутившую обруч в патио, я решила блеснуть перед ней умением водить велосипед, но не рассчитала высоту бордюра и грохнулась, сгорая от стыда, под еще крутившиеся велосипедные колеса.

– Знаешь что? – сказала подошедшая Джанет, на ходу крутя обруч и не глядя на мои окровавленные коленки. – Одна из моих сиамских кошек скоро родит котят!

Мы с Джанет с удовольствием отмечали наше сходство: обе родились в октябре с разницей в год, обе были единственными детьми в семье, обе левши, у обеих в имени и фамилии по двенадцать букв, каждая предпочитала доктора Килдера Бену Кейзи, любимый десерт – «Уип-энд-чил», пластинка – «Джонни Энджел». Единственным существенным различием было то, что у Джанет уже начались менструации и ей разрешили брить ноги, а я еще ждала этих событий. В ту

весну и лето мы с Джанет смотрели мыльные оперы, менялись виниловыми пластинками и планировали совместную жизнь: после школы снимем пополам квартиру в Нью-Йорке и станем либо секретаршами, либо танцовщицами «Рокетс». Потом Джанет выйдет замуж за ветеринара по имени Росс, а я – за актера по имени Скотт или Тодд. Наши дети, по пятеро у каждой, станут лучшими друзьями. Мы будем жить в собственных домах по соседству и купим кондиционер и цветной телевизор.

У Нордов были сиамские кошки Самсон и Далила. Мистер Норд, лысый и скучный, продавал больничное оборудование и часто уезжал на сутки. Миссис Норд накладывала тени для век и носила обручи для волос в тон майкам и бермудам. Ленч она готовила по рецептам женских журналов: печеные хот-доги, обвалянные в крошках «Спешел Кей», пиццу из английских маффинов и прохладительный напиток «Телстар». Он представлял собой лимонад с содовой, а в бокале коктейльная вишенка, проткнутая зубочисткой, изображающая съедобный спутник, стучащий по губе, пока пьешь. Миссис Норд знала слова наших с Джанет любимых песен. Она училась твисту, а потом учила и нас («Смотрите! Выставляем одну ногу и крутим бедрами, будто тушим окуроч. Правильно, правильно!»). Если прищуриться и поглядеть на нее с другого конца комнаты, можно было поклясться, что миссис Норд – это Джекки Кеннеди. А моя мать целыми днями сидела на Боболинк-драйв, разговари-

вала с попугаем Пети и переживала из-за мертвого ребенка.

После переезда на Боболинк-драйв я перестала целовать маму в губы. Прошло уже больше четырех лет с тех пор, как она потеряла Энтони-младшего. Папа чего только не пробовал, чтобы вывести ее из депрессии: и уроки ча-ча-ча, и психологов, и поездку в Поконос, и попугайчика, но жизнь и смерть моего братишки что-то сместили в маме раз и навсегда. Она отрастила себе огромную задницу, лицо часто дергал нервный тик. Когда мы ходили за продуктами, я убегала вперед и хватала с полок товары, лишь бы меня с ней не видели. Везя из школы приглашения в родительский комитет, я складывала их по многу раз, пока они не становились пухлыми квадратиками размером в дюйм, которые легко было засунуть между автобусными сиденьями. «У меня мама на работе, – сказала я Джанет, когда она предложила пойти ко мне в гости. – Она не разрешает мне водить подружек, если ее нет». А мать безвылазно сидела дома, потакая своим странностям: она обязательно выжидала три с половиной звонка, прежде чем снять трубку, постоянно заводила кухонный таймер и слушала громкое тиканье. Когда таймер доходил до ноля и с тоненьким писком затихал, мать снова переставляла его на шестьдесят минут и улыбалась с каким-то тайным внутренним облегчением. Пети был самой странной и навязчивой идеей матери.

Лаймово-зеленого волнистого попугайчика папа ей купил по совету невролога: врач сказал, она переключится и ста-

нет спокойнее. Сперва Пети маме не понравился – она жаловалась, что от птицы много мусора; но мало-помалу прониклась симпатией и вскоре уже любила попугая так, что это выходило за рамки здравого смысла. Она ему пела, разговаривала с ним, не запирала дверцу клетки, чтобы Пети мог свободно летать по дому, пока отец на работе. Мама таяла от счастья, когда Пети усаживался ей на плечо. Я ела ленчи или рисовала за кухонным столом, посматривая, как мать наклоняет шею вправо или влево, поглаживая Пети подбородком. Она ужасно расстраивалась, когда мы всей семьей сидели в гостиной перед телевизором, а Пети оставался в кухне, в клетке, накрытой полотенцем.

– Господи, да посиди ты спокойно, – досадовал папа, когда мать в сотый раз поднималась и шла проведать Пети. Придя, она тяжело усаживалась на диван, с мокрыми глазами и какая-то отстраненная. Я терпеть не могла этого Пети и фантазировала, как попугай упорхнет в окно или влетит в работающий вентилятор, и тогда его чары развеются и власть над мамой закончится. Мое решение не целоваться было сознательным, принятым однажды вечером в кровати, специально чтобы ее задеть.

– Какая ты сегодня колючая, – сказала мама, когда я отвернулась от поцелуя на ночь.

– Целоваться с тобой я больше не буду, и точка, – сказала я. – Ты весь день целуешь своего попугая в грязный клюв.

– Неправда!

– Правда. Хочешь подхватить птичью инфекцию – пожалуйста, а я нет.

– Клюв у Пети чище, чем наши с тобой рты, Долорес, – прозвучал аргумент.

– Это просто смешно!

– В самом деле, я прочла об этом в книге о птицах.

– Не успеешь оглянуться, как у вас начнутся французские поцелуи.

– Не болтай пустого, какие еще французские поцелуи? Что ты об этом знаешь? Следи-ка за языком, девчонка!

– Я и слежу, – сказала я, зажала рот рукой и уткнулась в подушку.

О французских поцелуях мне рассказала Джанет, добровольно назначив себя моей наставницей, когда мы смотрели, как кот Самсон вылизывает свой эрегированный пенис на ковре в гостиной Нордов.

По телеку показывали «Любовь всей жизни». Миссис Норд была наверху – стрекотала швейная машинка, отчего изображение на экране дергали статические помехи. Джанет принесла на подносе два «Телстара».

– Боже мой, – сказала я.

– Что? – Джанет проследила за моим взглядом. Самсон непринужденно себя вылизывал. – Какие гадкие эти мальчишки, – засмеялась она, подавая мне бокал.

Мы обе засмотрелись на процесс.

– Может, вам его к ветеринару?

– Зачем? Он просто хочет, чтобы его пися затвердела.

– Что?!

Джанет снова засмеялась и сделала большой глоток.

– Можно личный вопрос? – спросила она.

– Какой?

– Ты сколько знаешь?

– Достаточно, – ответила я, не будучи уверенной, о чем речь, но почувствовав, к чему идет разговор.

– Не вообще, а о сексе?

– Ты книжку, что ли, пишешь? Оставь в этой главе загадку.

– Ну и ладно, – надулась Джанет. – Спросить уже нельзя.

Мы уставились в телевизор. Ванесса Стерлинг спорила с приемной дочерью Барбарой, которая тайно носила ребенка Тони Вентоса. Я быстро глянула на Самсона, который по-прежнему тщательно вылизывался.

– Я просто подумала, – сказала Джанет, не отводя взгляда от экрана. – Если у тебя есть вопросы, я, наверное, смогу ответить.

– Вопросов нет, – возразила я.

– Ладно, как скажешь.

После рекламы Барбара с Тони сидели в парке с искусственным пейзажем. Они не знали, что делать с ребенком, но о свадьбе и речи быть не могло. Тони был всего лишь механиком, сыном горничной семьи Барбары.

– Тебе Тони нравится? – спросила Джанет.

– Ну, да, ничего. А тебе?

– Я бы не выгнала его из постели.

Я взяла «Телстар» и вынула вишенку, стараясь не выдать своей реакции.

– А ты фантазируешь, как они этим занимаются? – спросила Джанет.

Самсон поднялся, потянулся и потрусил из комнаты.

– Кто?

– Барбара и Тони. Может, они по-настоящему это делают после съемок? Может, это не только актерская игра?

Мои щеки запылали. Я чувствовала на себе взгляд Джанет.

– Ты ведь в курсе, как женщина беременеет?

– Да.

На экране Барбара закрыла лицо руками и заплакала, а Тони ударил кулаком по стволу одного из искусственных деревьев.

Моя информация о сексе состояла из мозаики подслушанного с последующим отбором и заполнением пробелов по собственному усмотрению. В третьем классе я услышала выражение «спать вместе». Потом некоторое время волновалась, что если вдруг нечаянно сморит, у меня появится нежеланный ребенок, а незнакомые дядя и тетя, закемарившие на соседних сиденьях в ночном поезде, могут проснуться уже родителями. Какое-то время я верила, что люди могут забе-

ременеть оттого, что сильно трутся друг о друга грудью. Это самое мужчинам нужно, чтобы в туалет ходить, рассуждала я, стало быть, только у сосков нет иной полезной функции. Моя учительница, миссис Хэтеуэй, в прошлом году забеременела. Когда она объясняла материал, я представляла ее с таким неизвестным мужем, который трется о ее соски своими, чтобы поместить в нее ребенка. О месячных и девственности я в общих чертах уже слышала, но вылизывание Самсона наглядно показало мне и Джанет несовершенство моих знаний.

– Что-то серия сегодня скучная, – сказала она. – Поедем покатаемся.

Наши велосипеды с жужжанием катили по Тритоп Эйкрс, и Джанет рассказывала, как проснулась в день своей первой менструации. Сначала миссис Норд повела ее в магазин и купила юбку и круглый значок, потом они зашли в кафе и заказали клубные сэндвичи, а миссис Норд восхищалась: «Поглядите-ка на нас – две женщины сидят за обедом». А потом она все и выложила: мужчина и женщина раздеваются догола и целуются по-французски, пока у мужчины пися не становится твердой. Тогда он вставляет ее в писю женщине и впрыскивает в нее какую-то жидкость. Не мочу, а что-то похожее на шампунь «Белый дождь», по словам миссис Норд. После этого женщина беременеет. В кафе было мало народа, Джанет с матерью сидели за столиком у дальней стены, и миссис Норд замолкала всякий раз, как подходила офици-

антка.

Когда мы вернулись, Джанет продолжала говорить о сексе:

– Вот скажи, правда или нет, что женщина может забеременеть, даже если они с мужчиной не снимут трусов?

– Неправда.

– Правда! Так случилось с одной девушкой из «Дорогой Эбби»!

Джанет обхватила себя руками и повернулась ко мне спиной. Ее руки пробегали по волосам, гладили плечи и хватали ее везде.

– Зацени! – хихикнула она. – Мы с мужем целуемся по-французски. О, Росс, ты разжигаешь во мне такую страсть!

– Ты просто свинья, – сказала я. – Никому не позволю со мной такое делать.

– Даже доктору Килдеру?

– Ни-ко-му!

– Тогда как ты со своим мужем собираешься родить пятерых детей?

– А мы станем приемными родителями, – нашлась я. – Будем усыновлять детей-инвалидов.

Джанет взяла свой шар-оракул, сильно потрясла и перевернула, закрывая предсказание ладонью.

– Позволила бы Долорес Прайс Ричарду Чемберлену засунуть в нее свою писю?

Я цыкнула языком:

– Ой, так смешно, что я забыла посмеяться.

Джанет убрала ладонь и торжествующе улыбнулась.

– Что? Что там?

– «Безусловно, да».

В июле папа спросил за ужином, хочется ли мне во дворе настоящий бассейн.

– Правда? – переспросила я.

– А почему же нет? Места у нас хватит.

– А когда?

– Ну, экскаватор я нанял на первое августа, потом заливается бетон, застывает, и надо подождать, пока бассейн наберется – в общем, в середине августа будешь плавать.

Я вскочила и обняла папу.

– А где мы его выкопаем? Неужели придется спиливать иву?

– Нет, с другой стороны, где ее цветы.

Мы посмотрели на маму. Было заметно, что у нее снова разыгрались нервы.

Папина улыбка растаяла.

– Кислая мина-то в связи с чем? – спросил он.

– Ни с чем, – ответила мать. – Жаль, что ты не обсудил со мной свои грандиозные планы.

– О, да не слушай ее, – сказала я.

Мама встала из-за стола и пошла к раковине. Папа с отворачиванием вздохнул.

– Если ты из-за денег, так на прошлой неделе я получил у старухи прибавку.

Некоторое время мы ждали реакции матери.

– За что это? – спросила она наконец.

– В воскресенье играли в гольф с владельцем сети баров при бассейнах. Он старый приятель Лу-Энн. Мы с ним поладили, и он предложил все сделать по себестоимости.

– Я не из-за денег.

– А из-за чего тогда? Из-за далий твоих чертовых? Боишься, что кому-то в этой семье будет весело?

Мать развернулась к нам и наставила дрожащий палец на окно над раковиной:

– Меньше всего мне хочется выглянуть однажды во двор и увидеть двухлетнего карапуза лицом вниз в бассейне!

Папин смех прозвучал грубо и зло. Он ответил раздельно, словно самой матери было два года:

– Забор же будет! Бассейн обнесут металлической сеткой.

– Дети перелезают через заборы, Тони.

– Двухлетний ребенок одолеет шестифутовую ограду?

Мать с силой терла тарелки, грохая их на сушку.

– Нетрудно догадаться, за что тебе дали этот бонус!

Папа быстро взглянул на меня и медленно отпил кофе со льдом.

– Это как понимать?

– Никак, – ответила мама.

– Нет, как? Объяснись.

Мать повернулась от раковины – мыльные брызги разлетелись с рук – и швырнула тарелку об пол.

– Ты правильно понял! Ты – старухина шлюха!

Папа велел мне выйти на улицу и поиграть.

– Сейчас же самая жара! – заныла я. – И москиты!

– Марш!

Я прошла через кухню, не чуя под собой ног.

В гараже я поковыряла одно из ржавых пятен на «Кадиллаке» – рак, как это называл папа. Наши соседи, мистер и миссис Дувиль, сидели на своей веранде, а на столе между ними горела свечка с citronelloy.

Из нашего дома доносились звуки тумачков. Было слышно, как падают кухонные стулья.

– Может, это тебя развеселит, – приговаривал папа, – или это? А вот этого не нюхала? Если ты хоть раз еще...

Дувили задули свечку и пошли в дом.

– Обвиняй ее в чем угодно! Благодаря ей на этом столе хлеб с маслом! Осточертела твоя растреклятая депрессия!

Задняя дверь с грохотом открылась, и папа широкими шагами вышел в патио, держа что-то в горстях. За ним бежала мама.

– Тони, не надо! – умоляла она, хватая его за руки. – Прости меня! Пожалуйста, прости!

Отец подбросил в воздух что-то маленькое и трепещущее. На секунду Пети завис над моей матерью, но тут же перелетел через двор в крону плакущей ивы.

– Будь ты проклят! – закричала мать. – Будь ты проклят во веки веков!

Ее голос неся над всеми соседними дворами.

Я села на велосипед и помчалась, не разбирая дороги. Влажный воздух плотно прижимался к разгоревшимся щекам. Если бы навстречу попался ребенок, я могла его сбить. Я пронеслась мимо улицы Джанет, мимо указателя «Тритоп Эйкрс» – и выехала на Сто восемнадцатое шоссе. Стискивая резиновые накладки на руле, выдавливала из себя дрожь. Я ненавидела обоих родителей. Чем быстрее я ехала и, соответственно, больше рисковала, тем легче становилось на душе.

Домой я вернулась уже затемно.

У черного входа меня напугал папин голос без тела:

– Я уже хотел идти тебя искать!

– Ты в порядке? – хотел знать мамин голос.

– Да.

Вглядевшись в темноту, я различила их силуэты. Родители сидели на ступеньке и курили одну сигарету на двоих.

– Обязательно было вот так уезжать? – спросила мать. – Я чуть не заболела от волнения.

Кончик сигареты стал ярче – было слышно, как она вздохнула.

– Я просто каталась на велосипеде, – сказала я. – Мне нужно было выбраться отсюда.

– Ты ходила к Джанет? – спросил отец.

– Нет.

– Что происходит в этом доме, здесь и остается. Другим до этого дела нет.

– Знаю.

Он поднялся и потянулся:

– Я пошел спать.

Мы с матерью сидели вплотную друг к другу и слушали цикад.

– Отведи меня в дом, – сказала она наконец. – И завариваю чай.

На кухне мы прищурились от света. Верхняя мамина губа была фиолетовая и распухшая. Когда чай был готов, я поставила перед ней чашку.

– Присядь, – предложила она, похлопав по стулу рядом.

Но я перешла кухню и уселась на рабочий стол.

– Что такое шлюха? – спросила я.

Мать ответила, что не желает сейчас об этом говорить.

– Я так и вижу, как какая-нибудь кошка подкрадывается к Пети. Завтра я...

Что-то на моих розовых шортах заставило ее замолчать.

– Что? – спросила я.

Мать не отрывала глаз от моей промежности.

Я посмотрела и одновременно почувствовала темное влажное пятно крови.

– Вот спасибо, Долорес, удружила. – Мамино лицо сморщилось от плача. – Как нельзя вовремя.

Грохот экскаватора сотрясал всю улицу.

Через несколько дней после начала строительства бассейна кошка Далила спряталась в бельеовом шкафу и родила шестерых котят. Все утро мы с Джанет смотрели на медленное, напряженное выталкивание Далилой котят откуда-то из попы, а потом весь день разглядывали крохотных слепых существ, беззвучно разевавших рты и кучей извивавшихся возле своей мамы. Прежде чем пойти домой, я задавала Джанет вопрос, который искала возможности задать весь день:

– Ты случайно не знаешь, что такое шлюха?

– Проститутка, – тут же ответила Джанет и пояснила, перехватив мой непонимающий взгляд: – Женщина, которая занимается сексом с мужчинами за деньги. Мама говорит, здесь проституток нет, они только в больших городах. Ее всегда можно распознать по...

– А это обязательно женщина?

От этого вопроса Джанет замолчала и пожала плечами:

– Да, наверное. А что?

Строители бассейна чертыхались, смеялись и то и дело просились в наш туалет. Нервы мамы так разыгрались, что она решила съездить на автобусе в Род-Айленд, навестить бабушку.

– Можешь поехать со мной либо остаться с папой, – ска-

зала она.

– Останусь с папой.

Всю неделю я ездила на велосипеде к Джанет и прижимала теплых котят к груди, по два за раз, а дома смотрела, как бассейн наполняется водой.

В выходной папа не пошел играть в гольф с миссис Мэсикотт – он остался со мной дома, плескался, загорал и бегал в дом отвечать на телефон. Из дома папин голос доносился неразборчивым бормотанием, которое заглушалось бурчанием фильтра бассейна.

В понедельник утром я проснулась поздно. В бассейне кто-то плавал. Из своего окна я увидела, как папа глотнул воздуха, глубоко нырнул и снова вынырнул далеко от прежнего места.

– А почему ты дома? – крикнула я из окна. – Почему не на работе?

– Разве не может человек позволить себе маленький отпуск с дочерью? – отозвался папа. – Надевай купальник и поплавай со мной!

Потом мы лежали на полотенцах у бассейна и загорали.

– Кстати, – с улыбкой произнес папа, приподнявшись на локте, – все хотел тебя спросить.

– Спрашивай.

– Что это у тебя там?

Он смотрел на верх моего купальника так, что я покраснела.

– Где?

Он потыкал пальцем в мои бугорки и взял за подбородок:

– Ты там грецкие орехи спрятала, что ли?

– Да ну тебя! – сказала я, прыгнула в бассейн и поплыла к другому бортику, пряча под водой улыбку. Он просто любит пококетничать, вот и все. Что здесь такого? Если миссис Мэсикотт настолько глупа, чтобы купить нам бассейн за папин флирт, то это ее головная боль, а не наша.

Во вторник начался дождь. Весь день мы ездили по делам, но на этот раз для себя, а не для старухи. Из толстого комка банкнот в кармане брюк папа отсчитывал деньги за стулья у бассейна, надувные матрасы, новый раздельный купальник для меня. Уже у кассы в хозяйственном магазине, куда мы принесли все выбранное, папе пришло в голову, что девочка моего возраста должна иметь собственный ключ от дома.

– Подождите, – сказал он продавцу, пробивавшему наши покупки. – Мы кое-что забыли.

Мы пообедали в китайском ресторане, заказав роллы с яйцом, лапшу «Ло Мейн» и печенье с предсказаниями.

– Что у тебя? – спросил папа, когда я разломила свое печенье и развернула полоску бумаги.

– «Улыбка, которую ты посылаешь окружающим, возвращается к тебе». А у тебя?

– «Пустые развлечения только притворяются прочным счастьем». – Папа с досадой бросил свое предсказание в пепельницу. – Что бы это значило, черт побери.

Всю неделю мы играли и плавали, не упоминая про Пети и ссору с мамой. Я начала понимать, отчего отец так вспылывал: моя мать кого угодно доведет своей хандрой, нервозностью и привычкой то и дело прыскать спреем в нос. Качаясь на надувном матрасе, я смотрела на папу, на рябившую воду бассейна и думала, что если бы жизнь была справедливой, он бы встретил миссис Норд вместо мамы и женился бы на ней. Они бы жили сейчас счастливо с бассейном и двумя дочерьми, мной и Джанет.

К концу недели папа проплывал бассейн сотый раз, а я приближалась к шестидесяти. Мы сидели на бортике, свесив в воду загорелые ноги. Покрасневшие глаза щипало от хлорки.

– А помнишь, как у меня было свое малярное дело? – спросил отец. – Пока я не начал работать у Лу-Энн?

– У тебя был зеленый пикап, – ответила я. – Мы с мамой привозили тебе обед.

– Верно, – улыбнулся он.

– А почему ты спрашиваешь?

– Не знаю, – ответил он. – Просто подумалось.

Я не хотела, чтобы время вдвоем с папой заканчивалось и чтобы беседа приняла печальный оборот.

– А что ты думаешь об этом? – я нагнулась и брызнула на него холодной водой. Папа зарычал, как лев, и принялся гоняться за мной вокруг бассейна.

Папа позвонил маме вечером в воскресенье. После разговора с ней он передал мне, что она просит привезти меня на Род-Айленд на пару дней.

– Зачем? – заныла я.

– Потому что ты бабушку с Рождества не видела.

– Тоже мне, потеря! Я хочу быть здесь, с тобой!

Папа отвел взгляд.

– Что там у нас на ужин? – спросил он. – Давай закажем пиццу.

Синяк на маминой губе стал желтовато-зеленым.

– Я по тебе соскучилась, дочка, – сказала она. – Что нового? – спросила она.

– Ничего, – пожала я плечами.

– За несколько дней ничего?

– Джанет на следующей неделе устраивает ночной девичник по случаю начала занятий. Я, она и еще шесть девочек.

– А как прошла неделя? Вы с папой говорили?

– Постоянно говорили. Нам было здорово. Ни одной секунды не скучали.

– Он что-нибудь сказал?

– О чем?

– Ни о чем.

В доме бабушки пахло камфарой и повсюду стояли статуэтки святых. На первом этаже, оклеенном старыми безвкусыными обоями с розовыми фламинго, вдоль лестницы висе-

ли семейные фотографии – по одной рамке на каждую ступеньку. Вот фотография моей матери и ее подруги Женеви Свит: девушки в белых платьях и с прическами сороковых годов обнимают друг друга за талии. Сделанный в день окончания школы снимок младшего брата моей матери, дяди Эдди, утонувшего в девятнадцать лет. Свадебные фотографии папы с мамой и бабушки с дедушкой. Мне почти стало жалко бабушку, торжественно стоявшую в атласном платье рядом с женихом, не ведая, что ей суждено потерять мужа, сына и внука, Энтони-младшего.

– Правда, интересно рассматривать старые фотографии? – спросила мать, увидев, что я стою на лестнице.

– Не особенно, – пожала я плечами.

До самого отъезда я нарочно сидела на диване, тупо уставившись в телевизор, односложно отвечала на вопросы бабушки и гримасничала от ее еды.

В автобусе мать начала болтать, какое у нее было детство и что если бы она могла что-то в себе изменить, то избавилась бы от робости. Бабушка хотела как лучше, но...

– ...поэтому когда появился Тони и начал мне названивать, окружил таким вниманием, я просто не устояла...

– Какой сейчас смысл об этом говорить? – вздохнула я.

– Как, он тебе ничего не сказал? Я же поэтому и согласилась оставить тебя на неделю! Твой отец попросил о разводе, он от нас уходит.

Автобус с урчанием ехал по автостраде, везя нас домой.

В голову мне словно напихали ваты.

– Глупость какая, – произнесла я наконец. – Зачем же он строил бассейн, если решил уйти?

Мать взяла меня за руку.

– Нам придется переехать? – спросила я.

– Нет, переезжает он. Уже переехал.

– Куда?

– В Нью-Джерси.

– А как же работа? Или Мэсикоттша тоже переезжает?

– Миссис Мэсикотт его уволила за интрижку с одной из ее жилищек. Она их застукала и пришла в ярость.

Минут пять мы молчали. Обивка кресла передо мной зарыбила от слез.

– Забавно, – произнесла после молчания мать. – Ее не волновало, что у него жена и дочь, а новой любовницы не стерпела... У тебя есть вопросы?

– Кому достанется «Кадиллак»? – спросила я.

– Нам. Тебе и мне. Вот ирония судьбы, да?

– А можно, я все равно пойду к Джанет на девичник с ночевкой?

Неделю я плавала, выглядывая из воды при малейшем шуме. Всякий раз, когда звонила Джанет, я думала, что это папа.

В пятницу мать робко вышла к бассейну в пляжном халате, неся все необходимое – чашку чая, сигареты и спрей для

носа. Она неловко открыла сетчатую дверцу, подошла к воде и попробовала ее краем мыска.

– Холодная, – пожаловалась она. Сбросив халат, мама чинно присела на плетеный стул. – Как хорошо... Вылези из воды, поговори со мной.

Я села на край бассейна, мокрая и нетерпеливая.

– Я как раз начала плавать свою норму, – сказала я. – Что ты хочешь?

– Ничего, просто твоей компании. Можно задать тебе вопрос?

– Ну?

– Так, обычная глупость... Мне просто интересно... Если бы ты меня не знала, если бы увидела впервые на улице, совсем незнакомую, как бы ты решила – я красивая или нет?

На ней был старый безвкусный раздельный купальник, который она начала носить, когда растолстела: верх в цветочек, белые трусы с юбочкой и валик синевато-белой жирной плоти между ними.

– Не знаю, – ответила я. – Наверное, ничего себе.

Она вглядывалась в мое лицо, ища правды. А правда, как я ее понимала, была в том, что папа не ушел бы, не будь мать Мисс Безнадегой.

– Правда ничего? – переспросила она.

– Ничего себе жирдяйка!

Ее губы задрожали. Мать потянулась за своим спреем.

– Боже, да я пошутила! – скривилась я. – Уже и шуток не

понимаешь?

От папы пришло письмо с почтовым штемпелем Нью-Джерси – один тетрадный листок с обещаниями продолжать любить и платить алименты. Но не было ни слова объяснений, почему он плавал со мной всю неделю, не сказав мне правды, и как можно так сильно захотеть какую-то женщину, чтобы бросить нас. Я впервые обратила внимание на его манеру письма: неуверенные, слабые строки, совсем не похожие на папин характер. «Донна очень хочет с тобой познакомиться, – говорилось в письме, – как только момент будет подходящий».

На девичнике у Джанет я сказала Китти Коффи, что она воняет, как хорек, и обрадовалась, когда она расплакалась. Я жадно ела, танцевала до пота и так громко хохотала, что миссис Норд пришла и попросила меня:

– Потихе, дорогая, ладно? А то тебя слышно по всему дому.

«Заткнись, шлюха», – подумала я, но ограничилась гримасой. Я подначивала девчонок не спать, пока хватит сил. Когда задремала последняя, меня вдруг затрясло – сильно и неподконтрольно. Может, папа ушел, потому что я плохая? Потому что я желала, чтобы он женился на миссис Норд вместо мамы? Потому что я сказала маме, что она некрасивая?

К рассвету глаза щипало от бессонной ночи. Я на цыпочках прошла между бугорками из одеял на полу, представляя,

что все подружки стали жертвами какого-нибудь глобального взрыва, а я, единственная неспящая, выжила.

Снаружи медленно серело. Во дворе Нордов чирикали птицы. Я оделась, спустилась в холл, босиком вышла из дома и поехала на велосипеде на Боболинк-драйв.

У бассейна гудел испортившийся фильтр. Вода была серебристой и гладкой. На столбике забора сидел Пети.

Прищелкивая языком, я подобралась поближе, повторяя его кличку. Рука сама поднялась и накрыла его. Попугай слабо клюнул мою ладонь. Я чувствовала под пальцами его хрупкие косточки.

Входную дверь я отперла своим новым блестящим ключом.

Мама в спальне, совершенно голая, стояла перед зеркалом, приподняв груди нежно и с любовью, совсем как мы с Джанет новорожденных котят.

Вот мы и две женщины, подумалось мне.

– Смотри! – крикнула я.

Мать испуганно обернулась на мой голос. Я выпустила Пети, и попугайчик начал летать по комнате, описывая между нами круги.

Глава 3

Я сидела на коричневом клетчатом диване перед телевизором и клеила скотчем челку ко лбу, потому что Джанет сказала – так она, высохнув, не совется в мелкие колечки. В углу, на баркалаунджере⁴, мать занималась своим нервным срывом.

Сгорбившись над подносом на ножках (с таких едят перед телевизором), она безуспешно пыталась сложить пазл на религиозный сюжет. Несмотря на зной, мама сидела в гольфах и стеганом розовом халате. Питалась она исключительно квадратными карамельками «Крафт». Уже две недели я делала телевизор громче, чтобы не слышать тихие ругательства, которые мать еле слышно бормотала себе под нос, и не смотреть на целлофановые обертки, полукругом окружившие баркалаунджер.

Не скажу, что мама легко сдалась: после ухода папы она перекрасила холл, начала заниматься перед телевизором с Джеком Лаленом, кричала и пинала газонокосилку, пока та наконец не заработала. Усилия жить самостоятельно снова привели ее к воскресной мессе и разнообразным подработкам: повар в санатории, кассирша в банке, продавец галантерейного отдела в дисконтном магазине мистера Бига. Когда зимой от мороза лопнула одна из наших труб, мать обзвони-

⁴ Мягкое кресло одноименной фирмы.

ла половину «желтых страниц» и нашла-таки водопроводчика, который поднялся с постели и приехал чинить нам трубу.

Прошлой осенью мы ничего не сделали, чтобы подготовить бассейн к зиме. Листья падали на поверхность воды, тонули и гнили, и к весне вода в бассейне стала походить на бурый суп.

Майским утром мать спустилась вниз и нашла Пети мертвым в его клетке.

– За что мне все это? Почему всегда мне? – все еще всхлипывала она, когда я вернулась домой из школы. В тот день она не пошла на работу и на следующий тоже. К концу недели ей позвонил мистер Биг и сказал, что она может не приходить. К этому времени мама уже не вылезала из халата.

Допекли меня ее волосы. В школе я сосала ментоловые пастилки для освежения дыхания и носила с собой маленький флакон дезодоранта «Тасси» на случай, если придется брать в руки пропуск в туалет⁵. Мамины невымытые, свалявшиеся волосы встревожили меня настолько, что я приостановила холодную войну с отцом и позвонила по телефонному справочнику в Тенафлай, Нью-Джерси.

Прошел почти год с тех пор, как отец переехал в Тенафлай и открыл цветочный магазин со своей подругой Донной.

– Добрый день, «Эдемский сад», – произнесла Донна. Я

⁵ Пропуск в туалет, часто ламинированный, берет ученик, выходя с разрешения учителя в уборную. Если в коридоре его увидит другой учитель, школьнику в качестве объяснения достаточно просто показать пропуск.

говорила с ней всего однажды, в день, когда родители официально развелись, и обозвала ее шлюхой. Двумя главными тайнами моей жизни были: как Донна выглядит, и из-за чего конкретно папа променял нас на нее.

– Могу я поговорить с Тони? – ледяным тоном спросила я. – Это его дочь, мисс Долорес Прайс.

Когда папа взял трубку, я перебила его нервные разговоры ни о чем:

– С мамой проблема. Она странно себя ведет.

Он кашлянул, помолчал и снова кашлянул.

– Насколько странно?

– Ты понял. Очень странно.

Ни мне, ни Донне не улыбалось жить под одной крышей. Также ни Норды, ни мой отец не воодушевились идеей, чтобы мы с Джанет летом пожили у нас, а миссис Норд завозила бы нам еду и чистую одежду. Было решено, что я перееду к бабушке на Пирс-стрит в Истерли, дом в Род-Айленде закроем, пока мама не поправится.

До бабушки Холланд ехать было час. Я всю дорогу сжимала записную книжку с адресами девчонок, у которых вырвала обещания регулярно мне писать. Папа нервно поглядывал на меня в зеркало заднего вида. За нами тащился мебельный фургон, трясаясь и покачиваясь из стороны в сторону. В тишине я нетерпеливо ожидала трагедии на дороге, в результате которой меня парализует, и это заставит родителей одуматься. Я представляла, как мы снова заживем втро-

ем на Боболинк-драйв, и папа будет катать меня по двору в инвалидном кресле, по гроб жизни благодарный за мое прощение. А в дверях будет стоять мать с грустной улыбкой и чистыми блестящими волосами, как у девушки на шампуне «Брек».

С бабушкой папа говорил мало – сгрузил мой велосипед, занес чемоданы и картонки в прихожую, поцеловал меня в лоб и уехал.

Мы с бабушкой были осторожно-предупредительны друг с другом.

– Чувствуй себя как дома, Долорес, – нерешительно сказала она, открывая дверь в бывшую комнату моей матери. Там пахло сухостью и пылью. Разбухшие рамы не открывались, подоконник был усыпан дохлыми мухами. Когда я села на жесткий матрас, он затрещал подо мной. Я попыталась представить двенадцатилетнюю маму в этой комнате, но видела только Анну Франк на обложке ее «Дневника».

Всякий раз, поднимаясь или спускаясь по лестнице, я проходила мимо фотографии Эдди, моего покойного дядюшки. Торчащие светлые волосы, остриженные почти под ежик, глаза из-под густых бровей следили за мной со злобещей веселостью. Его улыбка казалась почти издевательской, будто он мог дотянуться из рамки и врезать мне под ребра.

На ужин был мясной хлеб и шпинат под белым соусом. Мы сидели вдвоем и молча ели – тишина нарушалась только случайным звяканьем вилки о тарелку или покашливанием

бабушки. Когда она встала налить себе чаю, то сказала, обращаясь к плите:

– Запомни, мать не спятила. Это Тони взял на душу смертный грех, а не Бернис.

Вечером я прикнупила к стене коллаж с доктором Килдером и разложила свою одежду. Бабушка держала в комодке маленькие подушечки-саше, и когда я рывком выдвигала ящики, по комнате плыл запах старух из церкви с напудренными морщинистыми шеями и дребезжащими голосами. В углу нижнего ящика я увидела строчку, написанную красными чернилами прямо на дереве: «Я люблю Бернис Холланд. Искренне твой, Алан Лэдд». Ночью я дважды включала свет и вставала с кровати убедиться, что надпись на месте.

Бабушка включала телевизор на полную громкость и пеньяла мне, что я еле слышно бормочу. Она по-прежнему обожала сериал «На пороге ночи». Иногда я брала из холодильника колу и нехотя садилась рядом с ней на диван, нарочно прихлебывая из горлышка.

– Надеюсь, ты не так сидишь в школе, – сказала бабка. – Настоящие леди так не сидят.

Я пролистала телепрограмму и напостила, что у меня каникулы.

– Я в твоём возрасте ходила в епископальную школу и при выпуске получила медаль за манеры. Люсинда Коут думала, что медаль дадут ей, – она мне так и сказала. Коут походила

на большой кусок сыра и очень любила себя. Но нет, медаль дали мне. А моя внучка даже не умеет правильно сидеть на тахте!

– На какой еще тахте? – спросила я, глотая колу.

– На диване, – сердито пояснила бабушка.

Она с ужасом смотрела, как я затыкаю бутылочное горлышко пальцем и трясусь, а потом направляю вулкан пены себе в рот.

– Можно, я потише сделаю? – спросила я. – Я не глухая, между прочим.

По вечерам, вымыв посуду, бабушка ковыляла по дому со своим потрепанным молитвенником, перетянутым резинками, а затем усаживалась перед телевизором смотреть свои вестерны – «Бонанцу» и «Сыромятную плетть». Я на кухне надписывала безвкусные открытки с пожеланием здоровья маме и строчила многостраничные жалобные письма Джанет.

В первую же неделю бабушка сказала, что грех так тратить горячую воду, туалетную бумагу и свободное время, как я. Она не знает ни одной девицы, которая дожила бы до двенадцати лет и не научилась вязать крючком. В отместку я всячески ее доводила: за завтраком заливала яичницу кетчупом, по вечерам буйно отплясывала под свои пластинки, а бабка смотрела с порога. Специально для нее я подпевала: «Моя любовь – как жаркая волна!.. Это моя вечеринка, и я буду плакать, если хочу!» Однажды вечером бабушка начала

вслух размышлять, почему я не увлекаюсь певцами, которые умеют вести мелодию.

– Кем это, например? – презрительно спросила я.

– Ну, допустим, Перри Комо.

– Этот старый динозавр? – фыркнула я.

– Тогда сестры Леннон – они ненамного старше тебя.

Я солгала бабушке, что одна из ее драгоценных сестер Леннон – Диана, бабкина любимица – родила внебрачного ребенка.

– Пф, – отмахнулась от моих инсинуаций бабушка, но ее губы задрожали, и она вышла из моей комнаты, перекрестившись на ходу.

На Пирс-стрит пахло выхлопными газами и жареной едой. Со звоном разбивались стекла, кричали люди, дети швырялись камнями.

– Ах, чтоб тебя, прости Господи, – бормотала бабка, когда машины с визгом проносились на большой скорости. Она говорила, что предупреждала своего мужа, моего деда, – надо было поступить так же, как врачи, юристы и учителя, уехавшие отсюда после войны. Но дед все тянул и тянул с переездом, а в 1948-м взял да и умер, оставив ее с двумя детьми на руках, да еще в доме с прохудившейся крышей.

– Этот дом – мой крест, и я его несу, – любила повторять бабка. Со временем она убедила себя, что живет среди «подонков общества» по воле Господа, который поместил ее сю-

да в качестве модели праведной католической жизни. Она не обязана переубеждать соседей, достаточно просто подавать хороший пример.

Каждый вечер на закате миссис Тингли, бабкина жиличка с третьего этажа, стуча каблуками по лестнице, спускалась со своим пучеглазым чихуахуа Сахарным Пирожком.

– Ну иди, иди покакай, Сахарный Пирожок, – всякий раз говорила миссис Тингли, пока песик нервно бегал кругами на поводке. При жизни мистера Тингли бабка считала, что пьяница он, а не его жена, но после кончины мистера Тингли доставка из винного магазина по-прежнему останавливалась перед нашим домом. Потолок моей комнаты был полом комнаты миссис Тингли. Единственным звуком, доносившимся сверху, было цоканье собачьих когтей по деревянным половицам, и я представляла, как миссис Тингли лежит там в кровати и тихо надирается виски.

Напротив бабушкиного дома стоял магазин под железной гофрированной крышей. В одной половине была парикмахерская. Мастер, тощий, но с двойным подбородком, большую часть дня печально сидел за своей витриной, читая журналы в ожидании клиентов. Вторая половина называлась «Империей павлиньих татуировок», и заправляла там худая пожилая женщина с крашеными черными волосами и в красных штанах, как у тореадора. Во второй день моего пребывания у бабки, когда я сидела на крыльце в ожидании почтальона, соседка помахала мне рукой. Она назвалась Робертой

и попросила сбегать в магазин за пачкой «Ньюпорт». От сдачи она отмахнулась и ослепила меня экзотической историей своей жизни: когда-то она была замужем за глотателем шпага, который сейчас сидит в тюрьме, где ему самое место. Ее второй муж, канадец французского происхождения, прости его Боже, умер. Роберта ездила со своим канадцем на Аляску и Гавайи, причем Аляска ей больше понравилась. Она видела убийство президента Кеннеди во сне за неделю до того, как оно случилось. А еще она вегетарианка с 1959 года, потому что открыла тогда банку говяжьего гуляша и увидела в ней крысенка.

Бабушка, выйдя подмести крыльцо, через витрину увидела меня у Роберты и поманила домой. В прихожей она хлопнула меня по голове свернутой в трубку газетой.

– Чтобы не смела больше слова сказать с этой подзаборницей, – сказала она, побагровев от гнева. – И рассказней ее не слушай!

– У меня есть право самой выбирать друзей! – заорала я.

– Только не среди дешевок вроде этой!

Средоточием жизни на Пирс-стрит была суперетта Конни – мини-маркет в подвале большого, обшитого асбестом жилого дома. Конни, толстуха с рыжими, как у Люсиль Болл, волосами сидела за прилавком на плетеном стуле, повернув к себе электровентилятор, и очень берегла свои длиннейшие ногти, с ворчаньем пробивая покупки. Ее племянник Биг-Бой работал в суперетте мясником. Похожий на Дага Мак-

кдюра из «Виргинца», он насвистывал сквозь зубы и носил полосатые рубашки и фартук, перемазанный кровью.

Бабка отоваривалась у Конни, потому что так и не научилась водить машину, но лелеяла обиду на Биг-Боя, который однажды обратился к ней в присутствии прямо-таки всех покупателей: «Чего желаете, дорогуша?» Когда я к ней переехала, бабушка была просто счастлива сделать меня девчонкой на побегушках. Каждый день она вкладывала деньги мне в ладонь и посылала за антацидом, крахмалом или сливовым соком, всякий раз напоминая мне держаться подальше от Биг-Боя и стойки с грязными журнальчиками.

Над супереттой жили Писеки. Их дочери-близнецы, Розалия и Стася, были моими единственными ровесницами на Пирс-стрит. Они вечно болтались на своем крыльце – танцевали, хихикали и показывали средние пальцы соседским мальчишкам, кричавшим вульгарные замечания. У них был маленький проигрыватель в пластмассовом клетчатом чемодане и одна поцарапанная пластинка «Большие девочки не плачут», которую они крутили не переставая на полной громкости. Близняшки носили шорты и короткие блузки с рюшами и были тощими, как палочки для ушей, хотя постоянно что-то жевали и пили. Каждый день у них проходил как частная вечеринка. Я завидовала девчонкам – и смертельно их боялась. Бабка однажды плеснула в сестер водой из графина и назвала грязными пиэлями, когда они звонили к ней в звонок и прятались за стволом катальпы. Стася и Розалия

немедленно меня невзлюбили, и ежедневные походы в магазин превратились в кошмар.

– Эй, ты! – крикнула мне вниз Розалия в первый раз. Ее сестра перегнулась через перила, издевательски смеясь и жуя картофельные чипсы из пакета. – Ты воображала, что ли? Или у тебя швабра в заднице? – За ее спиной скрипучими фальцетами завывали «Времена года».

– Здравствуйте, – ответила я, через силу улыбнувшись. – Какую хорошую пластинку вы слушаете, я ее тоже люблю.

Я уже представляла, как мы вместе будем ходить из школы, и я одолжу им мои пластинки.

– Ка-ку-ю хоро-шу-ю плас-тин-ку вы слушаете, я ее тоже люблю-у-у, – передразнила Розалия, и девчонки заржали, как ослицы.

– Как тебя зовут? – крикнула Стася.

– Долорес, – это вышло робко, почти просительно.

– О, – сказала она, – а я думала, Страхудла!

Ее сестра завизжала от восторга, срывая зубами обертку с леденца и бросая ее через перила на меня.

Это повторялось каждый день.

– Привет, Блевота, – кричала одна, когда я подходила к магазину.

– Передай привет своим вшам, – кричала другая, когда я выходила с покупками для бабушки. Сердце у меня билось, бабкина сдача становилась горячей в кулаке. Я улыбалась храброй улыбкой Анны Франк и сдерживала желание

перейти на бег. Дома я рассматривала свое лицо в зеркале аптечки, думая, из-за чего они меня возненавидели. Я принимала каждую из их воображаемых причин. Однажды ночью я проснулась, дрожа, – мне приснилось, что близнецы заманили меня к себе на крыльцо предложением дружбы и пытались сбросить через перила головой вниз.

– Что такое пиэли? – спросила я у бабки. Был вечер, она сидела за столом, бормоча молитвы и перебирая четки, пока я вытирала посуду.

– Перемещенные лица. Люди, которых мы вывезли из Европы после войны. Кажется, мы вправе ожидать от них благодарности!

Я понимала, почему благодарности не дожждаться. Будучи сама перемещенным лицом, я была не особо признательна бабке за ее благотворительность: у меня вызывали отвращение ее пигментные пятна, говорившие о больной печени, ее тихая отрыжка, то, как она совала пальцы в рот и с горловым звуком снимала верхние зубы. Долорес Прайс, перемещенное лицо – даже в этом я была похожа на Писеков, но девочки не желали видеть во мне ровню.

Письма Джанет приходили нерегулярно и были переполнены обидными свидетельствами, что жизнь продолжается и без меня. Две бывшие подруги вообще ни разу не написали, зато каждую субботу неуклонно приходило письмо от матери из бесплатной больницы. Мысли в письме разбегались:

сначала она писала о прекрасных людях из группы арт-терапии, а в следующей фразе волновалась об утюге, который мы наверняка забыли выключить, когда запирали дом. «Я жар отсюда чувю, – настаивала она. – Дом сгорит дотла, прежде чем кто-нибудь признает гребаную правду».

Однажды в дождь бабка обнаружила, что закончились яйца. Я нехотя согласилась сходить в магазин, рассудив, что даже непрошибаемые сестрицы Писек будут сидеть дома в такую погоду. К моему облегчению, на крыльце было пусто – горевшая желтая лампочка казалась единственным признаком жизни. Но в суперетте, свернув за морозильник с мороженым, я буквально столкнулась с ними нос к носу. Впервые увидев их так близко, я с ужасом рассматривала сестриц. Розалия ела из банки луковые кольца, Стася листала журнал о кино. У обеих были белые брови и множество родинок. У Стаси оказалось деформированное ухо: слева на голове росли два маленьких лоскутка плоти, а остальное было словно всосано в череп мощным пылесосом.

– О, привет, Долорес, – с издевкой начала Розалия. – Мокрая ты еще уродливее.

Я протолкалась к кассе.

– Эй, Конни! – заорала Стася через весь магазин. – Обслужи ее побыстрее, у нее вши!

Биг-Бой прибирался на своем рабочем месте, держа в руке гирлянду сосисок. При этих словах он замер и в первый раз за лето заметил мое существование. Конни подозрительно

прищурилась, и ее пухлые пальцы быстро забегали по кнопкам кассы.

Мои щеки пылали. Я чувствовала, как подступили слезы.

– Нет у меня вшей, – прохрипела я. – Они просто ненавидят меня до печенок.

Конни взглянула на меня, а затем на близнецов в первом проходе.

– Не трожьте журналы грязными руками, – только и сказала она.

Стася и Розалия подошли к прилавку, хихикая и неистово чешась. Стася протянула большой флакон «Рейда»:

– Спасите! – смеялась она. – Вышвырните ее отсюда!

– Заткнись! – не выдержала я. – Пиэль кривоухая!

Началось царапанье и тасканье за волосы; банки с овощами полетели с полок. Не помню, которая из близнецов сбила меня с ног. Нас растащили Биг-Бой и Конни.

– Черт вас побери, сломали мой прекрасный ноготь! – взревела Конни. – А ну, вон из магазина, все трое!

В версии, которую я рассказала бабушке, я не сопротивлялась. Если не поостеречься, такими темпами я окажусь в Нью-Джерси, и придется быть вежливой со шлюхой Донной.

На другой день, когда мы с бабкой смотрели «Домашнюю вечеринку Арта Линклеттера», из больницы для меня доставили подарок. Я разорвала коричневую оберточную бумагу, и мы с бабушкой молча уставились на него. Это была одна из картин, созданных матерью на арт-терапии: в ясном голубом

небе среди аккуратных облачков парила женская нога, обу-
тая в красную туфлю на шпильке, а из бедра росли зеленые,
как у попугая, крылья, только сильные и такого размера, что
выдержали бы и летящего ангела.

Первой из оцепенения вышла бабушка. Она опустилась в
свое большое кресло и судорожно обхватила себя руками. В
морщинах вокруг глаз застряли слезы.

– В Истерли мне это точно пригодится, – прошептала я.
Больше в голову ничего не пришло.

Бабушка потрепала меня по плечу.

– Не думай об этих перемещенных дурах, – сказала она. –
Лучше будь дома с приличными людьми вроде нас, – она
кивнула на экран, причислив к приличным людям и Арта
Линклеттера.

В своей комнате я разложила мамины письма на кровати,
сясь отыскать в них хоть крупицы здравого рассудка. Кар-
тину я сунула за комод.

В августе бабушка записала меня в седьмой класс школы
Сент-Энтони, где училась и моя мать. О приходских школах
рассказывали жуткие истории: двоюродная сестра Джанет
Норд знала одну девочку, которую так часто били по голове
учебником арифметики, что у нее повредился мозг и возник-
ло стойкое облысение. Но мне не терпелось познакомиться с
ровесниками. Бабушка сказала, что грубые девчонки вроде
Писеков посещают общественную школу. Окончательно ме-
ня убедила Ингрид Бергман: ее трагическая храбрая смерть

в «Колоколах святой Марии» («Воскресный утренний спектакль» на десятом канале) пронзила мне сердце. Мы записались в Сент-Энтони на следующий день.

Первого сентября бабка много раз одернула мое клетчатое форменное платье в талии и вручила термос с виноградным «Зарексом» и сандвич с яйцом и салатом. Она очень надеялась, что он не испортится к полудню. Шагая по Пирс-стрит, я смотрела на свое отражение в витринах. «Вот девушка, исполненная тихой прелести, – думала я. – Наверное, у нее очень печальная жизнь».

На школьном дворе я прислонилась к прохладной кирпичной стене и стала натянуто улыбаться, показывая всем, как я счастлива, что мне не с кем поговорить. Когда мяч игравших в «вышибалы» ударил меня в плечо, я ошибочно приняла это за предложение дружбы, но двое мальчишек ростом мне по пояс нетерпеливо замахали руками, крича: «Эй, ты!» Я подняла мяч и замахнулась его бросить, когда у меня перехватило дыхание от увиденного.

У сетчатого забора, втершись в шумную компанию девочек, стояли Стася и Розалия Писек в шерстяных клетчатых платьях, идентичных моему. Вдруг все страшно ускорилося: загремел звонок, появились монахини, захлопали в ладоши и призвали к порядку. Сестры Писек меня не заметили. Я поплелась в школу, держась от них на безопасном расстоянии.

В коридорах пахло свежей краской, половицы скрипе-

ли. Тускло-зеленые стены были увешаны фотографиями выпускных классов прошлых лет, и, несмотря на страх, я попыталась найти на них маму. Стася Писек свернула в другой коридор за монахиней, которая вела шестиклассниц, но Розалия, явно более умная из сестер, шла среди семиклассниц со смертоносным хладнокровием горного льва.

Наши занятия проводились на втором этаже у самой лестницы. У двери на сером пьедестале стояла гипсовая статуя Святой Девы с распростертыми руками. Я вошла последней, обратившись к статуе с экстренной молитвой, чтобы помогла изобрести какой-нибудь хитроумный способ избежать Розалию Писек еще сто восемьдесят учебных дней. К счастью, меня усадили за последнюю парту в ряду у окна, за которым была пожарная лестница. Пригодится, если дело запахнет жареным, подумала я.

Учительница мисс Лилли работала в этой школе первый год. Это была высокая хрупкая женщина с сухими, словно запыленными волосами, начесанными спереди и почти не тронутыми сзади. Много раз за утро она открывала ящики стола и с грохотом их закрывала, маскируя гнев краткими улыбками и прищуром глаз. Я всматривалась в мисс Лилли, и во мне увядала уверенность в ее способности защитить меня от Розалии. Пожарная лестница казалась ржавой и шаткой. Я представила, как под моим весом лестница отходит от стены, и под хохот Розалии я шмякаюсь с изогнувшейся аркой железа на асфальтобетон.

К середине дня каждой ученице выдали стопку пахнущих плесенью учебников: «Приключения в мировой истории», «Арифметика для современной молодежи», «Наука и здоровье для католических школьников». Был еще религиозный текст, иллюстрированный черно-белыми снимками одних и тех же мальчика и девочки, занятых благочестивыми делами. Они то радовались, то стояли с торжественным видом, как этого требовало событие, и выглядели идиотски старомодными. Я задалась вопросом, уж не выдали ли мне, по странной причуде судьбы, учебник, по которому училась мать. Я сразу невзлюбила мальчика и девочку с фотографий – жизнерадостных, здоровых пай-деток, которых обожала бабка. Это она меня в это втравила, старая клюшка.

К обеду я сошла за остальными вниз, в лабиринт пластиковых столов и металлических складных стульев. Девчонки Писек, снова вместе, обедали – жевали попкорн с сыром из большого целлофанового пакета. Их подружки вытягивались и глазели на меня, и вскоре гулкая подвальная столовая гремела от взрывов смеха в мой адрес.

– Кто? – заорала одна, приподнимаясь с места, чтобы лучше меня рассмотреть. – Вон та?

Я присела за стол к двум толстым девочкам, занятым разговором о лошадях. Они неловко на меня посмотрели и замолчали.

– Я новенькая, – сказала я, откручивая крышку термоса. – Учусь в седьмом классе.

Обе по уши вьелись в свои сэндвичи, смущенно жуя.

Какой-то мальчишка тронул меня за локоть.

– Тебя зовут, – сообщил он, показывая на одну из старух, работавших в столовой. Но когда я подошла, она сказала мне покупать либо отойти. Я вернулась за свой стол. Термос был опрокинут, виноградный сок растекся по полу. Сэндвич превратился в промокшую малиновую массу.

Краем глаза я видела, как Писеки и их подружки отклоняются назад, вытягивая шеи. Стася, уткнувшись лицом в столешницу, хрюкала от смеха. Девчонки за моим столом смотрели на меня во все глаза.

– Ты-то чего уставилась, толстуха? – огрызнулась я на одну из них.

Мисс Лилли вернулась с большой перемены с запахом сигарет. Я одними губами сказала волшебное слово – колики, и она вручила мне пропуск в коридор. Выйдя из класса, я на минуту помедлила у статуи Девы Марии, собираясь пожаловаться на то, что мне сделала Розалия. «Радуйся, Мария, благодати полная...» – прошептала я и остановилась. Нос у статуи был отбит, небесно-голубые глаза смотрели в никуда. Она и не догадывалась о змее, извивавшейся у ее ног.

В большом коридоре я остановилась у длинных рядов фотографий в рамках – выпускницы Сент-Энтони за последние сорок лет. Я нашла свою мать в нижнем ряду порыжевшего снимка 1944 года. Ее темные, мелко вьющиеся волосы были разделены на пробор и плотно забраны под две овальные за-

колки. Смотрела она не совсем в камеру, и на лице ее лежала печать тихой серьезности. Меня поразило, что она больше похожа на старомодную меня, чем на мою маму. В коридоре было прохладно и мирно.

– Привет, – сказала я. От звука моего голоса сердце заби-лось, но я продолжала: – Ты развелась, и у тебя есть дочь. Это я.

На дом мисс Лилли задала нам главу по религии и еще одну о Месопотамии. В моей комнате было душно, поэтому я села под кухонный вентилятор и направила воздушный поток себе на лицо.

– «Дорогой папочка, – написала я на листке новой тетради на кольцах. – Я точно знаю, что мама до сих пор тебя очень любит. Мы обе любим тебя больше, чем я в состоянии выразить. Я думаю, что заболēju раком желудка. Такое у меня ощущение». Затем я вымарала эти слова глубокими, жирными карандашными штрихами, оставив вдавлины на нескольких нижних листках.

«К северу от современного региона Персидского залива существовала процветающая цивилизация, почти такая же развитая, как египетская. Почва, удобряемая сезонными разливами рек Тигра и Евфрата...»

Я смотрела на работающий вентилятор, пытаясь разглядеть его лопасти в сине-сером облаке, и подносила палец ближе и ближе, глядя, как он дрожит. «Меня найдут в луже крови. Папа возненавидит себя на всю оставшуюся жизнь, а

у Розалии Писек случится нервный срыв».

«Шумеры благоденствовали на плоских плодородных землях, удобренных илом двух рек. Их вклад в цивилизацию...»

Я отвернула вентилятор, и гляцевые страницы учебника по религии начали переворачиваться сами собой, то и дело демонстрируя фотоиллюстрации с примерными девочкой и мальчиком.

– Ненавижу вас до печенок, – сказала я им. Неожиданно книга раскрылась на странице двести тридцать два. Предыдущий пользователь – без сомнения, какой-нибудь немытый мальчишка с грязными ногтями – кое-что подрисовал образцовым детям. На фотографии сверстники спускались по ступенькам, чем-то напоминаям лестницу в Сент-Энтони, лучезарно улыбаясь друг другу. Их животы были вытерты ластиком до белизны, и у идеальной девочки появился перевернутый треугольник курчавых лобковых волос и неодинаковые груди, похожие на кексы с вишнями. Пися идеального мальчика походила на перископ. Над головами были пририсованы два мультяшных белых облачка с фразами. «Как насчет секса? Сношения? Половушка, я имею в виду?» – спрашивала сияющая девочка. «М-м-м, о'кей!» – отвечал мальчик, и его энтузиазм подчеркивался числом восклицательных знаков.

«Шумеры благоденствовали на плоских плодородных землях, удобренных илом двух рек. Их вклад в цивилиза-

цию...»

За следующий час я выпила два больших бокала воды со льдом, десять раз пробежала глазами один и тот же абзац в учебнике истории, подносила уже все лицо вплотную к вентилятору и исписала листок именем и датой рождения Ричарда Чемберлена красивым каллиграфическим почерком. Не помогло. Всякий раз, когда я открывала страницу 232, решив, что, может быть, все это мне привиделось, изрисованная фотоиллюстрация была на месте.

На следующий день мисс Лилли пришла в макси-юбке с узором пейсли и обтягивавшей водолазке, под которой проступали очертания бюстгальтера. Волосы ее были гладко зачесаны назад и убраны в пучок размером с котлетку для гамбургера. Она была совсем не похожа на себя вчерашнюю. Я подумала, может, у учительницы раздвоение личности, как у Марго в «Поисках завтра», или она сумасшедшая, как моя мать, или вообще весь мир сошел с ума. Все утро я, не в силах справиться с собой, то и дело открывала страницу 232, всякий раз заново убеждаясь в тайном существовании иллюстрации.

Утром в среду мисс Лилли таинственно улыбнулась и сказала, что у нее для нас сюрприз. «Леденцы!» – выкрикнул кто-то. Не поведя бровью, учительница потянула за две разворачивающиеся карты, закрывавшие доску. Вся площадь доски оказалась исписана прекрасным почерком. Мисс Лил-

ли, по ее словам, пришла в школу на полчаса раньше, чтобы переписать на доску «Оду греческой вазе». Она была в некотором роде экспертом по этому произведению и даже написала в колледже работу по «Оде» на двадцать три печатных листа.

– А теперь, если вы посидите смирно и сосредоточитесь, то сможете оценить гармонию каденций, которые я зачитаю вслух. Затем мы обсудим прекрасный смысл этих стихов.

Она начала низким, протяжным голосом и почти сразу впала в транс, ритмично дирижируя новым длинным куском мела, как Митч Миллер⁶.

Розалия Писек оглянулась на класс и указала на себя. Я поняла – будет сейчас мисс Лилли ода к вазе. Розалия прижала к губам согнутый локоть, надула щеки и издала мощный звук, неотличимый от выпускания газов из кишок (после переезда папы в Тенафлай я успела отвыкнуть от таких звуков).

Класс грохнул истерическим смехом. Мисс Лилли отшатнулась, будто облитая ледяной водой. Ее лицо как-то странно сморщилось. Подойдя к доске, она принялась стирать «Оду греческой вазе» широкими покорными взмахами. Она терла и терла по одному участку, и я поняла, что она плачет. Розалия сидела на стуле боком, трясаясь от беззвучного смеха. Я представила, как достаю из парты пистолет, прицеливаюсь и убиваю ее, не дрогнув.

⁶ Американский гобоист и дирижер.

Мое сочинение по Месопотамии оказалось полным провалом. С усталым вздохом мисс Лилли предложила мне не ходить на перемене в столовую, а остаться в классе и переделать работу, даже не подозревая, какую дарит мне королевскую награду.

— Когда закончишь — положи на стол и иди на исповедь, там все седьмые классы. Ты не забыла мантилью?

По коридору простучали ее босоножки. Одна из флуоресцентных ламп смешно фыркала и жужжала, подчеркивая непривычную тишину в классе. Я оглянулась на ряды пустых парт, и меня захлестнуло сочувствие к мисс Лилли. На ее столе стоял серебристый термос, окруженный информационными письмами и памятками от сестры Маргарет Фрэнсис, директрисы. Когда я взяла потрепанный томик стихов, он сам открылся на «Оде греческой вазе». Многие места подчеркнуты, фразы обведены. Текст испещряли маленькие стрелочки и условные обозначения с восклицательными знаками.

Плетенная из соломки сумка учительницы осталась на стуле. Я взяла ее и открыла. Поглядывая на дверь, достала ключи от машины, пачку «Уинстона» и коричневый пластмассовый флакон с таблетками. На ярлыке значилось: «Сандра Лилли. Принимать по одной перед сном при необходимости. ОТПУСК СТРОГО ПО РЕЦЕПТУ». В кошельке лежали пятидолларовая бумажка, три четвертака и несколько марок по семь центов. За мутными, поцарапанными цел-

лофановыми окошками были фотографии: блондинка с объемным прозрачным начесом, пожилая пара перед многоярусным тортом и черно-белый снимок самой мисс Лилли с каким-то мужчиной на пляже. Учительница стояла с мокрыми жидкими волосами, лямки лифчика спущены, а мужчина был в темных очках и с наметившимся брюшком.

Я мысленно убрала его с фотографии и подставила вместо него Биг-Боя из суперетты. Мисс Лилли и Биг-Бой лежали на песке и целовались. Вокруг никого не было. Они терлись друг о друга, а затем вдруг оказались обнаженными.

Подняв глаза, я увидела красную виниловую тетрадь Розалии. План родился в совершенно готовом виде, как подарок от Господа.

Сложив вещи мисс Лилли обратно в сумку, я подошла к парте Розалии и взяла ее учебник по религии, затем сходила к своей парте и подложила Розалии свой.

Мисс Лилли мне улыбнулась, когда я присела на скамью к семиклассникам. Я улыбнулась в ответ, ощущая необъяснимую уверенность. В исповедальне я подождала, пока отец Дуптульски откроет свое окошечко.

– Благословите меня, святой отец, ибо я согрешила. Моя последняя исповедь была три недели назад. С тех пор вот мои грехи.

Я призналась, что была невежлива с бабушкой и чертыхнулась одиннадцать раз по разным поводам. Затем я самым робким голосом поведала, как, порочно сидя без дела, уви-

дела, что моя хорошая подруга Розалия Писек обезобразила свой учебник по религии гнусным, аморальным рисунком. Я сама с изумлением прислушивалась к коварно-обольстительным интонациям в своем голосе:

– На самом деле, святой отец, Розалия неплохая. Я уверена, она не хотела... За эти и все другие совершенные грехи я искренне раскаиваюсь.

В качестве покаяния отец Дуптульски назначил мне десять раз прочитать «Аве, Мария», что показалось мне вполне соразмерным наказанием как пособнице преступления. Я опустилась на колени и помолилась – не о прощении, а о том, чтобы мои расчеты оказались верными и тайна исповеди больше соблюдается для убийц, чем для детей.

Во время урока, когда мисс Лилли объясняла апострофы, в класс вошла сестра Маргарет Фрэнсис.

– Мисс Лилли? – сладко сказала она. – Мы проводим проверку учебников у седьмых классов.

– Но разве это назначено не на завтра? – растерялась мисс Лилли.

– Она пройдет сегодня. Прямо сейчас.

После уроков Стася кружила у школы, нетерпеливо спрашивая всех подряд:

– Вы не видели Розалию? Вы Розалию не видели?

Розалии Писек в четверг на занятиях не было, но прошел слухок о ее проступке, равно как и о назначенном ей наказа-

нии, которое превзошло суровостью все, что видывали стены Сент-Энтони. Каждый день до самых осенних каникул сестра Маргарет Фрэнсис будет рисовать на доске крест, и Розалия в течении часа будет стоять, прижав нос к центру креста.

В тот день я шла домой с ощущением такой легкости, что с каждым шагом готова была воспарить, как ангел. От ощущения собственного могущества я здорово проголодалась и начала есть картофельные чипсы из пакета, когда Конни еще пробивала мои покупки.

Бабушка смотрела, как я пальцем подбираю крошки и крупинки соли по уголкам пакета, а затем приканчиваю два пудинга из тапиоки, приготовленные на ужин.

– Господи милостивый, сегодня ты нагуляла хороший аппетит, – обрадовалась она.

– Это свободная страна, бабулечка.

Вечером я вытащила из-за комода мамину летающую ногу и впервые увидела, что она прекрасна. И повесила картину над кроватью.

Глава 4

В январе из больницы нам вернули новую версию мамы – улыбчивую дерганую женщину с выщипанными бровями. Она курила сигареты с ментолом и снова стала стройной – стройнее, чем когда-либо. Худой. Костлявой. Она рассказала мне, что половину срока в больнице проходила по территории с шагомером на ноге, раздумывая о всяком разном и сгоняя выросший сзади «чемодан». Общий мамин «пробег» составил три четверти расстояния до Калифорнии.

В ее первые выходные дома мы вместе смотрели шоу Эда Салливана с «Битлз». Мама, сидя рядом со мной на диване, постукивала ногой в такт музыке. Я беззвучно зывала к Полу Маккартни обратить на меня внимание. Бабушка, сидя отдельно, качала головой и хмурилась.

– В чем проблема? – не выдержала я, когда камера повернулась к бесновавшейся студийной аудитории. В тот момент моя ненависть к бабушке была такой же чистой, как любовь к Полу.

– Проблема, – ответила бабушка, – в том, что я не слышу разницы между пением и совиным уханьем девиц из зала. Если это сейчас считается крутым, то я умываю руки.

– Ну и пожалуйста, умывай свои руки, – огрызнулась я. – Чувствуй себя как дома!

Мама перебила, желая выяснить, кто из «битлов» кто.

– Который тихий – это Джордж. Красавчик – это Пол Маккартни...

– Красавчик? – фыркнула бабка. – По-твоему, этот невзрачный битник красивый?

На секунду весь экран заслонило лицо Ринго Старра.

– А это Ринго, – сообщила я. – Кстати, бабушка, это именно он.

– Что – именно он?

– Отец незаконного ребенка Дианы Леннон.

На лице бабки на секунду отразилась тревога, но она тут же овладела собой.

– Шиш тебе, – сказала она, встала со стула и объявила, что разочарована мной, моей матерью и Эдом Салливаном, и все это ей так отвратительно, что она идет спать.

– По мне, так и прекрасно, – заметила я. – Свали, сделай милость.

Когда дверь бабкиной комнаты громко захлопнулась, я посмотрела матери прямо в глаза:

– Я ее ненавижу! Она совершенно чокнутая...

Мамино лицо исказилось, и я отвела взгляд, рассматривая ковер и свои ноги рядом с ее ногами. И пробормотала:

– Не в обиду будь сказано.

Каждое утро после завтрака мать сидела за кухонным столом, куря сигареты одну за другой и отмечая галочками объявления о найме в Истерли и Провиденсе. Она сказала, что

ее страшит мысль выйти на работу, но она твердо настроена не поддаваться трудностям.

– В этом и заключен смысл жизни, Долорес, – сказала она. – Выйти на крыло самолета и прыгнуть.

Мамины поиски работы раздражали бабушку, уже подыскавшую ей место экономки у приходского священника в Сент-Энтони.

– Послушай, – сказала ей мать. – Чему меня там научили, так это что всевозможными ограничениями мы сами роим себе яму.

– Это как же понимать?

Мы ждали, пока мать прикурит новую «салемку».

– А понимать надо так, что я не обязана мыть унитазы и складывать мужские майки ради куска хлеба, если у меня к этому не лежит душа. Я этим тринадцать лет занималась, и видишь, чем все закончилось?

Бабушка бросила на меня встревоженный взгляд и понизила голос:

– Не забывай, что рядом стоит ученица церковно-приходской школы, и я не считаю, что нижнее белье священников подобает обсуждать в присутствии юных леди.

Мать вздохнула. Сизый дым струился из ее ноздрей.

– Два шестьдесят два, Пирс-стрит, – пробормотала она. – Дом репрессий.

Бабушка схватила кухонное полотенце и замахала на мамин дым.

– Ненавижу этот отвратительный запах! Дешевка! Весь дом пропах дешевкой!

– Кстати, о громогласных осуждениях: если женщина курит, это не означает, что она...

– Я гляжу, ты уже и сквернословишь, мисс Выскочка!

– Мама, «громогласные осуждения» – это не ругательство, спроси у отца Дуптульски.

– В мое время женщины знали свое место!

Мама вытаращила глаза на потолок – или на Бога – и обратилась ко мне:

– Женщине дозволяется быть одним из двух, Долорес: Бетти Крокер⁷ или шлюхой. И знай свое место, даже если это тебя убивает.

– Что делает тебя таким авторитетом в этой области, хотелось бы мне знать? – раскипятилась бабка.

– Мама, я что, по-твоему, семь месяцев в Диснейленде провела?

Мы с бабушкой отвели глаза.

– Возьмите бедную Мэрилин Монро, например, – продолжала мама.

У бабушки гневно расширились глаза:

– Сама ее бери! Мне она не нужна, ни например, ни иначе.

Смерть Мэрилин Монро, которую наконец настигла ее порочность, была любимой темой моей бабки. По ее мнению, место Мэрилин в той же мусорной корзине, что и Роберте,

⁷ Рекламная мистификация, образ идеальной домохозяйки.

живущей напротив.

– Но, мама, разве ты не понимаешь, что бедняжку загнали в угол? В силки всеобщих ожиданий? В душе она оставалась испуганной маленькой девочкой. В больнице я прочитала о ней книгу.

Бабка так сжала губы, что они побелели. Она медленно поднялась, подошла к пластмассовому подносу со своими лекарствами, взяла таблетку от давления и заговорила, обращаясь к плите:

– И это она говорит о секс-бомбе, из-за которой три фильма были запрещены Легионом приличия. И это она говорит о женщине, у которой не хватило скромности даже покончить с собой, накинув хотя бы халат!

Несколько дней мама с бабкой не разговаривали. Бабушка в основном сидела, нахмурившись перед сериалами и вестернами, или ходила за моей матерью со спреем «Глейд». Однажды, когда по телевизору шла реклама сигарет «Салем», бабка высунула экрану язык и издала неприличный звук. Когда она хотела что-то сказать моей матери, передатчиком становилась я:

– Долорес, скажи этой дымовой трубе, что у моей кузины Флоренс опять проблемы с желчным пузырем.

Или:

– Долорес, сообщи лучшей подружке Мэрилин Монро, что врач сказал – у меня давление зашкаливает.

Ни с одной из вакансий, на которую мать писала заявления, ей не перезвонили. Каждый вечер после ужина она надевала бушлат, наматывала на шею полосатое кашне, надевала наушники и прикрепляла шагомер к резиновому сапогу.

– Хочешь со мной пройтись? – спрашивала она. Я не хотела. Я была молчаливым детективом, подмечавшим каждый признак маминой странности. Например, она заваривала чай с двумя пакетиками, а не с одним, или говорила «Годится», когда ты даже ничего не спрашивала. Она уходила на час и возвращалась с красным лицом и мокрым от холода носом. Открывалась задняя дверь, и топот ее сапог в чулане всегда удивлял меня. Всякий раз, когда мать уходила, я внутренне готовилась узнать, что безработица или бабка ее доконали и она пешком пошла в больницу, чтобы снова стать сумасшедшей. Я не могла пойти с ней гулять. Не могла.

В середине школьного года прошел слух, что мои отец и мать умерли. Я не стала исправлять всеобщее заблуждение. Болезнь матери и подружка отца – это мое дело и больше ничье. В классе по успеваемости я была третьей, уступая только Лиэму Фиппсу и Кэти Махони (мисс Лилли ранжировала весь класс – каждого ученика – на доске с пометкой «Не стирать»). Однако когда она давала нам работу в командах, Розалия Писек, прыщавый Уолтер Кнапп и я всякий раз неизменно оказывались последними, кого называли капитаны команд. Такова цена личного пространства.

Однажды вечером мама постучала ко мне в комнату с пеленницей в руке.

– Занята? – спросила она.

– Учу вокабуляр. По пятницам мисс Лилли дает нам неожиданную самостоятельную.

– Годится, – сказала мать, рассматривая мой коллаж с доктором Килдером. – Когда-то это была моя комната.

– Бабушка говорила. – Я подумала открыть нижний ящик комода и спросить об Алане Лэдде, но не решилась. – Можешь спросить у меня слова, если хочешь.

Мать взяла у меня список и уставилась на него. У нее в глазах стояли слезы.

– Этот дом действует мне на нервы, – призналась она. – Твоя бабушка хочет как лучше, но...

– Ты не по порядку спрашивай, а вразбивку.

– Ладно, – сказала она. – Беспечный.

– Легкомысленный.

– Отъявленный.

– Мерзкий.

– Годится. Панацея.

– Лекарство от всех болезней.

Мать отложила тетрадь.

– Мы съедем отсюда, Долорес, как только я справлюсь по деньгам. Обещаю.

– Лекарство от всех болезней, – повторила я.

– От болезней, ага... Забавно, я провела там больше полугода, приводя себя в порядок, разбираясь, почему мой брак превратился в одно бесконечное извинение, и нашла истоки проблемы: когда он сел за руль треклятого «Кадилака» старой Мэсикоттши. Дело в том...

– Ты слова спрашивать будешь?

– Извини. Парадокс?

– Парадокс?

– Парадокс.

– Пропустим, – сказала я. – Потом вернемся.

– Я же взрослая женщина, правильно? Я могу курить, если хочу, правильно?... Я ненавидела каждую секунду, пока он работал на эту богатую тварь, но не осмеливалась высказывать недовольство. Знала свое место, ага... – Она вскочила и забегала по комнате, но остановилась и улыбнулась при виде своей картины с летающей ногой: – Понравилось?

– Неплохо, – ответила я. – Даже круто.

Мать провела кончиками пальцев по поверхности холста.

– Одну из моих работ повесили в столовой клиники. Натюрморт. Но эта мне показалась лучше. Моя любимая.

– А что такое репрессии? – спросила я.

– Что? – Мать взгляделась в мой список слов.

– Ты сказала, что это дом репрессий. Что такое репрессии?

Мать опустилась на кровать и улеглась на спину.

– Когда все держат в себе. Винят себя за все. Доктор Мар-

ки, с которым я работала, сказал, что моя проблема от воспитания в нездоровой среде. Оно вызвало у меня эмоциональный запор, поэтому мы с Тони... Это, кстати, слова врача.

– Бабушке не говори, – предостерегла я. – Она взбесится, как собака.

Мать погладила меня по щеке тыльной стороной руки. Прикосновение было прохладным.

– Знаешь, чего я боялась в клинике? Я боялась, что когда меня выпустят, ты уже изменишься. Но ты не изменилась. Ты все такая же.

В ее отсутствие я обезвредила сестер Писек и начала писать любовные стихи в моем запиравшемся на ключ дневнике. Если бабка расходилась не на шутку, я сбегала в тату-салон к Роберте выкурить сигаретку и изругать мою судьбу и жизнь. Мать не понимала, не видела, что я изменилась.

– Не допусти, чтобы это случилось с тобой, Долорес.

– Чего не допустить?

– Не позволяй гадить на себя другим людям. Никогда не становись личным унитазом для какого-нибудь мужика, как я... Все эти цветы, присылаемые ею после смерти нашего ребенка. Хватило же наглости... Чего-чего, а наглости у нее не отнять.

– Ты про кого говоришь?

– Про Мэсикоттшу. «Ты разве не напишешь ей письмо с благодарностью?» – спрашивал он. Я держалась из последних сил, отвоевывая каждый час, а он с этой... – Мать вышла

из комнаты, высморкалась и вернулась. – Ладно, что было, то прошло. На чем мы остановились? Парадокс.

– Ситуация... Ситуация, которая... Ситуация, которая кажется противоречивой, но тем не менее является истинной. Как-то так.

Мы смотрели друг на друга несколько секунд. Я решила рискнуть.

Я протянула руку и забрала у нее сигарету. Мать смотрела, как я глубоко затянулась и выдохнула дым ей за плечо.

– Знаешь, тут есть две девчонки, – начала я, – Розалия и Стася Писек...

В начале весны сестра Маргарет Фрэнсис прервала наш урок, чтобы объявить «граду и миру» о конфискации тетради отзывов. Такие злонамеренные и нехристианские проделки, сообщила нам сестра, строго запрещены в школе Сент-Энтони, и любая ученица, которую застанут с этой тетрадью, горько пожалеет.

Несколько дней я наблюдала, как красная общая тетрадь на спирали ходит по рядам, стоит мисс Лилли повернуться к классу спиной. На переменах девчонки украдкой передавали друг другу тетрадь, следя, чтоб этого не увидела монахиня, присутствовавшая на игровой площадке. Я, вечный аутсайдер, не знала, что такое тетрадь отзывов, но подозревала, что это как-то связано с сексом или популярностью.

– Долорес, окажешь мне гигантскую услугу? – умоляла

Кэти Махони сразу после уроков в пятницу. Ее щеки горели, и она впервые за год произнесла мое имя. По коридору к нам шла сестра Маргарет. – Пожалуйста! Как подруга!

Всю неделю я листала тетрадь отзывов, которую Кэти сунула мне в портфель. Наверху каждой страницы маркерами были крупно выписаны имена одноклассниц, а ниже шли анонимные отзывы. Страница Кэти, первая в тетради, пестрела хвалебными строками: «Слишком хороша, такую не забудешь», «Люби меня, как я тебя!», «Подруги навсегда!», «Вот бы у меня были качели на заднем дворе!» Страница Долорес Прайс создавалась, видимо, задним числом: мое имя простыми чернилами приписали на задней обложке с внутренней стороны. «Я ее не знаю», – стояло в качестве первого отзыва, затем шел целый столбик таких же фраз, а внизу почерком Розалии Писек было выведено: «Уродина, так это не то слово».

Шариковая ручка в левой руке ощущалась странно. Почерк вышел достаточно неуверенным и неузнаваемым. «Тихая, но красивая, – приписала я к комментариям. – С ней стоит познакомиться».

В марте мать пригласили на собеседование на должность секретаря в фирму по борьбе с грызунами. Я сидела на кровати и смотрела, как она, хмурясь, собирается перед зеркалом.

– Ну, сюда-то примут, – сказала она. – Терпеть не могу го-

ворить по телефону, со старших классов ненавижу печатать, до смерти боюсь насекомых и выгляжу как мышь.

– Тебе с отросшими волосами лучше, – заметила я. – Должность у тебя в кармане.

К ужину мать не вернулась.

Сбежала, подумала я. Бросила меня в доме репрессий.

Ели мы с бабушкой в молчании.

– Может, она получила работу и сразу же приступила, – предположила я.

Боже сохрани, ужаснулась бабушка. Нечего и говорить, что она может принести домой с такой работы.

Когда я домыла посуду, мне вдруг пришло в голову, что мать покончила с собой. Я представила ее в холодном ночном небе, в припадке безумия выскочившую на крыло аэроплана, смеясь над риском. И увидела, как она прыгает...

Я повернулась к бабке, которая пеленала пленкой ужин матери. Я этого не планировала, но неожиданно швырнула стеклянную крышку от кастрюли о стол, разбив ее напополам.

– Нечего было доставать ее сплошь и рядом! – заорала я. – Если она снова чокнулась, то по твоей милости!

Бабушка отпрянула.

– Придержи язык, Долорес Элизабет! – прикрикнула она. – И ты мне тут вздор не городи!

Ее дрожащий голос подтвердил, что она тоже боится.

Но в четверть девятого на подъездную дорожку, дребезжа,

въехал «Кадиллак», и мама ворвалась через заднюю дверь.

– Простите, я опоздала! – заявила она. – Знаете что? Я купила машину! – Она была в новеньком оранжевом пальто и обнимала целую гору хрустящих пакетов и свертков. – Представляете? «Бьюик Скайларк» тысяча девятьсот шестьдесят второго года! Будет готов во вторник. Белый. Белый кабриолет! А самое лучшее – этот чертов «Кадиллак» пойдет в счет уплаты! Глаза бы мои его не видели. Ко вторнику будет готов! Я это уже говорила? Я заставила их скостить сто семьдесят пять долларов – сама, лично торговалась!

– Тебя взяли на работу? – спросила я.

– Я туда не ходила. Кому захочется работать на каких-то клопоморов? Ох, ну и денек у меня сегодня! Смотрите!

Она сдернула вязаную шапочку. Ее волосы были платиновыми.

– Что скажешь? – спросила она, повертев головой.

– Это парик?

– Нет, это я!

В дверях появилась бабушка.

– Ну? – сказала мать с нервным смехом. – Кто-нибудь, скажите что-нибудь!

Бабушка покачала головой и обратилась не к матери, а ко мне:

– Помяни мое слово, в следующий раз она пойдет напротив и сделает татуировку у этой самой.

Ресепшен «Империи павлиньих тату» представлял собой ряд кухонных стульев, стоячих пепельниц и грязных журнальчиков. Татуировку можно было выбрать из толстой папки на кольцах с ламинированными иллюстрациями.

– Они обе чокнутые, – говорила я Роберте, поглядывая через витрину убедиться, что бабке меня не видно. – И мать, и бабушка, каждая по-своему.

Между нами висел занавес из бусин, за которым Роберта делала татуировку какому-то мужчине.

– Привыкай, дорогая, – усмехнулась она. – Весь мир сошел с ума. Верно, Леон?

– В точку, Роби, – отозвался клиент.

Я вздохнула, куря и листая журналы с закручивавшимися углами. В старом «Коронете» дочь Ланы Тернер давала интервью из тюрьмы о том, почему она заколола мускулистого бойфренда матери. Рядом были фотографии жертвы, Джонни Стомпанато, и особняка Ланы со стрелкой к окну спальни, где произошло убийство. Дочь Ланы в мешковатой тюремной робе сняли крупным планом. Ее странное, напряженное лицо напомнило мне наши с Джанет физиономии, когда однажды мы натянули на головы старые нейлоновые чулки ее мамы. Может, сумасшествие наследуется, как карие глаза и вьющиеся волосы, подумала я. Может, ты просто сходишь с ума и совершаешь подобные поступки, когда твоя мать разводится и обзаводится новым бойфрендом.

Роберта раздвинула занавес из бусин для Леона и напом-

нила ему протирать свежую татуировку спиртом. Неделю назад я видела, как ему на плече набивают шмеля: если клиент не возражал, Роберта разрешала мне смотреть, как наносятся татуировки (но только выше пояса). Я могла заставить себя взглянуть на иглы, когда они уже в коже, но не когда их вводят. Леон заплатил Роберте, пожал ей руку и ушел.

– А сейчас что он сделал?

Она полистала свою папку и показала мне кобру.

– А где?

Роберта похлопала себя по заду:

– На левой ягодице. На следующей неделе придет делать на правой. Хочет мангуста, готовившегося к прыжку. Я его предупредила, что если этого нет в моем каталоге, то ничего не гарантирую. Рисунки от руки иногда получаются, иногда нет. Леон ответил, что верит в меня. «Кроме того, – говорит, – кто ее увидит, кроме меня?» Он, видишь ли, холостяк. Сегодняшняя татуха у него двадцать вторая. Мир сошел с ума, уж поверь.

– Иногда мне кажется, что бабка хуже моей матери, – заявила я.

Роберта засмеялась и присела рядом, прикурив сигарету от моей.

– Тельма – битый стреляный воробей, вроде меня. Хотя чудно, конечно. И она, и я переехали в этот район примерно в одно время – в тысяча девятьсот сороковом году, до войны, а она никогда мне и «здрассте» не скажет. Ее Эдди утонул в

том же году, когда я потеряла мужа. После смерти канадца Тельма прислала мне бисквитный торт с шоколадной глазурью – ко дну формы скотчем приклеила бумажку со своим именем, поэтому я не стану, пожалуй, держать на нее зла. Четверть века живем через улицу, а не сказали друг другу и двадцати пяти слов.

– Она тебя ненавидит до печенок, – сообщила я, – только того, без обид.

– Честно говоря, я ее побаиваюсь. Тельма видит мир иначе, чем я. С первым мужем мы объездили весь мир, участвовали в карнавалах, познакомились с самыми разными людьми. С канадцем тоже путешествовали – на Гавайях даже в потухший вулкан спускались. А Тельма всю жизнь просидела в доме – она как маленькая испуганная девчонка.

У меня закружилась голова от дыма и совпадений. Роберта описывала бабушку так, как мамина книга изображала Мэрилин Монро. Парадокс, подумала я, ситуация или суждение, которое является противоречивым, однако верным. На контрольной по лексике я неправильно определила парадокс, а сейчас вдруг поняла.

Я загасила окурок.

– А какой был мой дядя? – спросила я.

– Эдди? Красивый мальчик, но из него так и перли дерьмо и уксус. Швырялся снежками с крыльца, раз или два бросал велик у меня перед домом, но в целом неплохой был пацан. Бесплатно чистил мне дорожку от снега. Ужасно, что он уто-

нул, настоящая трагедия.

Роберта засмеялась, вспоминая, как дядя Эдди воровато перебежал через дорогу и заявился к ней, размахивая пяти-долларовой бумажкой.

– Сказал, хочет татуировку – розу, если я не ошибаюсь. Просил сделать под мышкой, чтобы Тельма не увидела. А потом в жару снял рубашку и потянулся всласть. Тельма пришла сюда и объявила, что позвонит в полицию и заставит их меня посадить, потому что и без моих подлянок трудно одной растить такого сорванца.

– А сколько ему тогда было?

– Да лет пятнадцать. Он был непоседой, приходил сюда и жаловался на нее, совсем как ты. Сказал нам с канадцем, что ждет не дождется, когда уйдет из этого дома и поступит на флот.

Мне было интересно, что еще Роберта расскажет о дяде Эдди, но она поднялась и сообщила, что на сегодня пора закругляться.

– Эх, канадец, – вздохнула она. – То он меня любит, жить без меня не может, то бьет об стенку. – Она покачала головой с грустной улыбкой: – А я ему позволяла. Это ли не сумасшествие?

Вскоре после покупки новой машины мама устроилась на работу кассиршей по сбору дорожной пошлины на платный Ньюпортской мост – полчаса езды от Истерли. Ее волосы ка-

зались еще светлее по сравнению с защитного цвета формой. На работу и обратно мама ездила, не поднимая верх «Бьюика». Через неделю она пошла на первое свидание.

Когда за завтраком она объявила свою новость, я заметила, что у нее дергается веко.

– Вроде ничего такой, – сказала она. – Каждое утро дарит мне «Херши кисс». Я себе и говорю – пользуйся случаем.

– А как он внешне? – спросила я.

– Да вроде симпатичный. По крайней мере, в окно машины.

Бабушка отложила вилку и сказала, что ей уже поперек горла весь этот девчоночий вздор от особы, которой стукнуло тридцать два годика. Она хочет напомнить моей матери, что в глазах церкви она по-прежнему замужняя женщина. Не станет же она резервировать себе местечко в аду ради одной развеселой ночи!

Я никогда не думала о матери как о способной на развеселую ночь. Всю неделю она мерещилась мне в кошмарах в платье с глубоким вырезом, танцующей в ночном клубе щека к щеке с Джонни Стомпанато.

Вечером мама взволнованно бегала по комнате, собираясь на свидание. Она побрызгалась духами «Табу», которые я отправляла ей в больницу на Рождество, и потыкала губы помадой, напевая под нос «Вините в этом босанову». У мужчины, для которого она прихорашивалась, свой магазинчик на Эдсон-стрит, сказала мать. Газеты, табак и ореховые сме-

си. Я с облегчением узнала, что сегодня они всего лишь идут в кино.

Бабушка официально объявила, что умывает руки, однако послала меня в мамину комнату в качестве шпионки, вооружив святой троицей вопросов: какой он национальности, религии и какая у него фамилия.

Фамилия у него была Зито. Марио Зито.

– Но все приятели называют меня Игги, миз Холланд, – объяснил он бабушке, вцепившейся в подлокотники кресла и упорно не глядевшей на гостя.

Игги Зито совсем не походил на прибалтийского Стомпанато – веснушчатый коротышка с волнистыми рыжими волосами, в вельветовом полупальто. Нечто среднее между теми мужчинами, которых мы с Джанет игнорировали, и теми, кого поднимали на смех.

– А это моя дочка, Долорес, – представила меня мама. Я на секунду подняла взгляд на Зито и снова принялась пристально рассматривать ковер в гостиной.

– Твоя мама говорила, что у нее есть малышка. Это тебе, деточка, – так, разные пустячки. – Он подал мне мятый бумажный пакет с масляным пятном. Ненавижу, когда при смехе у человека булькает слюна.

Мама нагнулась с поцелуем к бабке, которая сидела, будто проглотив шомпол, и не ответила.

– К ужину не ждите, – засмеялась мама.

– У-у, не волнуйся, – буркнула бабка, уставившись в те-

левизор.

Не включая свет, мы смотрели из прихожей, как они садятся в черный «универсал» Игги. К моему облегчению, мать не прильнула к кавалеру, как старшекласница, а села у самой дверцы.

– Зито. *Этальянец*, – сказала бабка, пока мы стояли рядом в полутьме. В другой комнате я открыла пакет, в нем оказались две книжки комиксов «Маленькая Лотта», коробочка лакричных леденцов и несколько пригоршней фисташек.

Фисташки бабка заставила выбросить, потому что они не в упаковке и Бог знает кто их трогал и где они побывали. Весь вечер мы играли в «Сумасшедшие восьмерки» перед телевизором. Бабушка сразу начала относиться к маминому кавалеру как к Марио Пепперони.

– А вот в мое время нам даже играть запрещалось с *этальянцами*, – заявила она. – Папа говорил, они грязные, считай, те же цветные.

В начале летних каникул Джанет Норд прислала мне письмо с приглашением пожить у нее недельку. Еще приложила свой снимок с котятами, уже выросшими в котов. Мама сказала, что не видит причины, отчего бы мне не принять приглашение Нордов. Я тоже причины не видела. Я просто не хотела ехать. Мне нравилось проводить летние дни перед телевизором или сидеть на крыльце, читая журналы о кино и толстые романы в мягкой обложке, расстегнув для удобства

верхнюю пуговицу шортов.

Ежедневно в четыре часа я ходила к Конни за сэндвичем с мороженым. Я слизывала тающие края сэндвича, когда к дому подъехал мамин «Скайларк», на два часа раньше ожидаемого. Мать не сразу вышла из автомобиля. Верх у машины был поднят, мамины платиновые волосы будто пожухли.

– Что случилось? – спросила я.

– Ничего, я просто ушла пораньше. Заболела.

Она выбралась из автомобиля и присела рядом со мной на ступеньку.

– Много сегодня машин?

– Да как обычно. – Сбросив туфли на танкетке, она начала разминать ступни. – Не знаю, говорить тебе или нет, – добавила она. – Угадай, кого я сегодня видела?

– Не знаю. Джанет?

– Твоего отца.

Эти два слова вызвали ощущение больного зуба, которым я, забывшись, прикусила что-то твердое.

– Что он здесь делает? Разве он не в Нью-Джерси?

– Вернулся месяц назад. С его слов я поняла, что его интрижка накрылась.

– Он снова работает у Мэсикоттши?

Мама покачала головой.

– Он в какой-то ремонтной конторе в Ньюпорте. В бригаде мастеров, что ли. Я ему сказала: «У тебя есть дочь, которая хочет тебя видеть. С ней-то ты не разводился».

– Я не хочу его видеть! Я хочу, чтобы меня оставили в покое!

– Все равно, он не присылал денег уже больше... Ладно, это не твоя забота, Долорес. Что у тебя новенького?

– Ничего.

– За целый день ничего?

Если бы я заговорила, то не удержалась бы от слез. С какой стати отцу платить за того, о чьем существовании он и не помнит?

– Джули из «Направляющего света» потеряла ребенка, – ответила я наконец.

Мать вздохнула и усмехнулась:

– Он так удивился при виде меня, что уронил сдачу и вышел из машины ее подобрать.

– А какая у него машина?

– Не помню, серая какая-то.

– Старая или новая?

– Развалюха. Ох, надо было слышать его извинения! Как тебе нравится, столько лет гадил под нос и не извинялся! Пару монет так и оставил на асфальте.

Отец позвонил следующим вечером, когда по телевизору показывали «Голливуд-палас». Мама снова была на свидании с Игги. В телефоне папин голос звучал металлически и отдаленно. Я представила его плоским и маленьким, но живым, вроде говорящей почтовой марки.

– Я немного занята, – сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Что тебе надо?

– Просто звоню узнать, как дела, детка. Не может, что ли, человек позвонить своей дочери? Как с тобой обращаются в Истерли?

– Справедливо, – ответила я.

– Так ты скучаешь по мне или как?

Меня затрясло. Но прежде чем я смогла сформулировать ответ, папа продолжал:

– Даже не заметила, что я ушел, да? Ну вот, спасибо большое! – Его смех был фальшивым. – Значит, мамка теперь кассиршей служит? Она говорила тебе, что я ее вчера видел? Иисусе, я чуть в обморок не грохнулся, когда к той будке подъехал. Как ей там, нравится?

– Не могу ответить за нее, – ответила я. – Сам спроси.

Он снова засмеялся, будто я сказала что-то беззлобное, но тут же закашлялся и прочистил горло.

– Ты вроде на меня обижена, Долорес. Я все понимаю, только не забывай, у каждой истории две стороны.

Я вспоминала, как выглядела его кожа, когда я проплывала под ним в нашем бассейне, – синевато-белая, как у утопленника.

– У меня теперь уютная квартирка в Южном Кингстауне, район называется Гарден Бульвар. Может, приедешь ко мне на выходные? Сходим в китайский ресторан, а? Закажем еды с собой?

Перед глазами у меня все расплывалось от слез.

– Хочешь, я заеду за тобой как-нибудь в пятницу? Проведем уик-энд вместе.

– Это вряд ли, – отозвалась я.

По голосу было слышно, что отец теряет терпение.

– Мне ведь тоже несладко пришлось, между прочим, – заявил он. – Мы с Донной расстались, если ты из-за нее. Не спеши превращать своего старого папку в плохого дядьку.

– Папа...

– Я могу понять, что ты не взглянешь на эту историю моими глазами, хотя тут и глядеть нечего. Я могу понять, что ты приняла сторону своей матери, особенно после больницы, но иногда хочется пожить с человеком, который...

– Папа, Богом клянусь, я сейчас очень спешу.

– Я не стану ее дерьмом поливать, как, уверен, она меня два года поливает...

– Папа, правда...

– Тебе что-нибудь нужно? Ты только скажи. Кстати, запиши мой номер телефона. Захочешь приехать, только позвони, договорились?

– Договорились.

– Карандаш у тебя есть?

– Да.

Он выдал череду цифр, которую я пропустила. Рядом вдруг оказалась бабушка и крепко сжала мое запястье.

– Хочешь, я с ним поговорю? – прошептала она. – Хо-

чешь, я возьму трубку?

– Мать-то получает деньги, которые я посылаю? Ты знаешь, что я тебе кое-что посылал каждый месяц?

Когда я положила трубку, бабушка посоветовала мне не беспокоиться – если он снова позвонит, она скажет, что я вышла. Потом спросила, не хочу ли я еще поиграть в карты.

– Обними меня, пожалуйста, – попросила я.

Просьба ее поразила, но бабушка послушалась. Ее маленькое тело казалось жестким и ненастоящим. Она обняла меня за спину сначала одной рукой, видимо, вспоминая, как это делается, затем другой. Я прижалась лбом к ее плечу.

– Не плачь, будет, будет, – говорила бабушка. – Ты растешь хорошей девочкой. Не плачь, уйми слезы.

Я всхлипывала и судорожно содрогалась, прижавшись к ней. Бабушкино тело оставалось напряженным, будто сведенным.

Мама с Игги Зито встречалась еще два раза, а потом назвала его лохом и перестала видаться. Когда звонили другие мужчины, мать бежала к телефону.

– Ал-лооо, – томно мурлыкала она непривычным контральто.

Новые кавалеры в основном просто нажимали на сигнал, подъехав к дому, или ждали мать уже на месте. Папа позвонил еще раз. Верная своему слову, бабушка сказала, что я «у подруги».

В середине июля миссис Тингли умерла от инсульта, и Сахарного Пирожка увезли в фургоне Общества защиты животных. Бабушку раздражала необходимость сдавать жилье битникам или «блудницам»; она жаловалась Бетси – ну отчего у нее нет достаточно денег, чтобы сводить концы с концами без жильцов! Квартиру на третьем этаже перекрасили, вывели вонь от собачьей мочи, и бабушка дала объявление в газету.

Джек и Рита Спейт, ослепительная молодая пара, откликнулись первыми. Они напомнили бабушке «людей, которые раньше жили на Пирс-стрит», поэтому въехали уже первого августа. Мы втроем – бабушка, мать и я – влюбились сразу и безнадежно.

Глава 5

Рита Спейт пользовалась духами «Песня ветра» и подводила глаза синим карандашом. Она была такой миниатюрной, что, садясь за руль своего зеленого «Студебеккера», подкладывала на сиденье подушку. Каждое утро она ездила в клинику матери и ребенка в Провиденс, где работала медсестрой в детском отделении.

– Как куколка китайского фарфора, – с обожанием бормотала бабушка, глядя, как Рита уезжает. Подруга бабушки по церкви, миссис Мамфи, знала Ритину тетку.

– У нее был выкидыш, когда они жили в Пенсильвании, – шепотом поведала мне бабка. – Но это строго между нами.

Джек Спейт, высокий блондин, был диск-жокеем на радио «Дабл-ю И-эй-эс». Он вел ток-шоу «Потпурри» – рассказывал глупые шутки и ставил дебильную музыку вроде той, которую мать слушала в машине. Он ездил на темно-коричневом «МГ» с номером «Дж Сп-8». Ему было двадцать пять лет – на три года меньше, чем Рите.

В самую жару они носили вещи наверх по боковой лестнице. Сидя на крыльце в темных очках и с книжкой, я с интересом рассматривала каждый экзотический предмет, который проносили мимо. Это была стереофоническая кабина, гавайские светильники тики, кресла-мешки, двухместные диванчики, обитые оранжевым мехом. В процессе переезда Джек

снял футболку, и его я тоже рассматривала.

Из дома караван имущества Спейтов разглядывала бабушка. Она не доверяла спортивным машинам и «волосатой мебели», но через неделю после переезда Джек завоевал ее расположение. Он взобрался по одолженной алюминиевой стремянке на головокружительную высоту остроконечной крыши и укрепил разболтавшуюся проволоку, державшую антенну, – после этого наш телек стал показывать намного четче. Бабушка, мама и я смотрели на него с земли, приложив ладони ко лбам. Когда Джек спускался по перекидинам стремянки, бабушка подала моей матери десятидолларовую купюру.

– Заставь его это взять, Бернис, – прошептала она.

Мама протянула Джеку деньги.

– Вот, – сказала она, – это вам. Мы настаиваем.

– Что вы, что вы, я только рад был это сделать, – ответил он. – Но все равно спасибо.

Последовал смешной своеобразный танец, в результате которого мама ухватила Джека за бедро и засунула деньги в карман штанов, а мы с бабушкой улыбались и жадно смотрели на представление.

Белые потолки второго этажа превратились в звуковой театр – я прилежно изучала заведенный у Спейтов порядок. Ужинали они ровно в полседьмого, пока готовили – разговаривали, а потом смотрели телевизор. Спальня Спейтов бы-

ла у них над моей комнатой, и я каждое утро просыпалась в шесть от звона их будильника. Без четверти семь Рита в белоснежной форме спешила вниз по наружной лестнице, и «Студебеккер» с фырчаньем уносил ее по аллее. Джек валялся в кровати до без десяти восемь. Я слышала, как он насвистывает, пока одевается.

За шесть книжек зеленых марок «Сперри и Хатчинсон»⁸ бабушка купила переносной радиоприемник и поставила на холодильник. Мы бросали свои мыльные оперы и бежали слушать «Потпурри». По вторникам, в свой выходной, вместе с нами слушала и мама.

– Какую хорошую музыку ставит Джек, – сказала она как-то за ленчем, жаря на гриле сыр для сэндвичей и подпевая сестрам Макгвайр. – У нас с ним одинаковые музыкальные вкусы.

– Это тебе так кажется, – возразила я. – Он вынужден ставить эту безвкусную ерунду, а нравится ему рок-н-ролл.

Бабушка недоверчиво фыркнула.

– Нет, любит! Вчера, когда он пришел с работы, то поставил альбом «Роллинг стоунз» и танцевал сам с собой – у меня вся комната тряслась.

Мама заметила, что он, наверное, делал прыжки во время зарядки. Бабушка предположила, что это вовсе не Джек тан-

⁸ Бумажные марки с объявленной стоимостью, выпускаемые, в частности, компанией «Сперри и Хатчинсон», ходили в США с 30-х по 60-е годы и давали покупателю право приобрести товары в обмен на определенное количество накопленных марок.

цевал, а его жена.

– Ну и ладно, не верьте, – сказала я. – Вы ведь его так любите, я думала, вам интересно.

К воскресной мессе Спейты ходили туда же, куда и мы, и на вторую неделю монсеньор перехватил Джека и поручил ему обойти паству с корзиночкой для сбора пожертвований. Джек подмигнул мне и позвенел мелочью, передавая корзинку мимо моего лица. Сердце у меня билось на всю церковь, когда я смотрела, как он обходит скамьи. Вдруг я перехватила взгляд мамы, тоже следившей за его движениями, рассеянно шевеля губами под общую литургию. Заметив, что я на нее смотрю, она сразу уткнулась в молитвенник и, откашлявшись, принялась молиться громче.

На парковке после службы Рита подошла к окошку «Бьюика» и постучала в стекло обручальным кольцом. Мама резко ударила по тормозам – бабушка нырнула и едва не соскользнула с переднего сиденья.

– Привет, девочки, – поздоровалась Рита. – Мы с Джеки хотели бы пригласить вас к нам сегодня на ужин. Ничего особенного, но будет тако и мой знаменитый на весь мир чили кон карне⁹.

Я думала, бабка снова слетит с сиденья от такого меню, но даже угроза острой иноземной пищи ее не отпугнула.

– Что ж, прекрасно! – воскликнула она. – Мы придем, не

⁹ Чили с мясом.

правда ли, девочки?

«Девочки», – засмеялась я про себя. Будто мы «Марвелетс».

Вечером, перед тем как нам подняться к верхним жильцам, мать заставила бабушку пообещать, что та промолчит, если даже ей что-то не понравится.

– Будешь учить меня манерам, Бернис? – спросила бабка. – На твоём месте я бы застегнула вторую пуговичку на блузке и волновалась за себя.

Мы потопали по наружной лестнице – мама с бутылкой вина, бабушка с упаковкой таблеток «Миланта» и я. Рита открыла дверь в красной бархатной шляпе-сомбреро с помпонами.

– Оле! – сказала она.

Мать неестественно громко засмеялась и сунула ей в руки бутылку.

Обстановка Спейтов привела меня в восторг: книжный шкаф, сложенный из клинкеров, простые стеллажи с десятками романов в дешёвых изданиях. Нижняя полка прогибалась под весом сотен грампластинок. Я уселась на кресло-мешок и загляделась на самую печальную и удивительную картину, какую видела в жизни: маленькая негритянка на фоне чёрного бархата прижимала к груди тряпичную куклу. Блестящая слеза – такая жирная и мокрая, что казалась настоящей – остановилась у нее на щеке.

Бабка отклонила предложение Джека расслабиться на ме-

ховом шезлонге и потребовала себе кухонный стул с прямой спинкой. Она присела, положив руку на колено, и я заметила, что картина привлекла и ее внимание. Бабушка некоторое время смотрела на нее и наконец сказала Джеку:

– Ну и картина у вас. Я вот цветных не особенно жалую.

Оба Спейта всю нянчились с бабушкой – именно так, как она любила. Рита спрашивала ее о давлении и хорошо знала таблетки, которыми она лечится. Когда нас позвали на кухню, Рита сунула в духовку руку в кухонной варежке в горшок и вынула маленький домашний куриный пирог.

– Я подумала, вы предпочтете что-то полегче для желудка, миссис Холланд, – сказала она. На верхней корке пирога вилкой были наколоты бабушкины инициалы.

– Ну, вы просто умница, – заворковала бабушка, потрепав Риту по руке. – Так красиво, даже есть жалко.

Мама уселась между Спейтами, а мне осталось тесниться возле бабушки.

Джек все подливал матери вина, которое мы принесли, и с каждым глотком она вела себя все больше как Мэрилин Монро. Бабушка так увлеченно уписывала свое особое блюдо, что ничего не замечала. Она даже приняла бокал вина и нехотя пригубила у краешка.

Передавая миску с чили, Джек вдруг обратил внимание на меня.

– А что Долорес дель Рио делает все лето?

– Это еще кто? – спросила я.

– Ты не знаешь Долорес дель Рио, латиноамериканскую красу нашего кинематографа?

– Я вам скажу, что она делает целыми днями, – влезла бабка. – Сидит на кухне и слушает кое-кого по радио. Вы заполучили настоящую поклонницу!

Я чуть не наступила с размаху ей на ногу.

– Я?! Кто бы говорил!

– Мы ее и назвали в честь Долорес дель Рио, – улыбнулась мама. – В юности я раз пятьдесят смотрела «Путешествие в страх».

– Знаешь, что означает имя Долорес? – спросил меня Джек.

Я пожала плечами.

– По латыни это скорбь. Слушай, леди печального образа, почему ты такая грустная?

Они вчетвером уставились на меня, а я уставилась в стол. В комнате стало тихо. Мне вдруг действительно стало грустно – как будто захлестнула печаль.

– Кто это здесь грустная? – с вызовом спросила я.

Мама начала рассказывать длинный анекдот, который слышала на работе, но остановилась и издала притворный вопль, запрокинув голову так, что я увидела ее пломбы.

– О нет! Я забыла, чем закончилось!

Джек принялся ее дразнить, и она ткнула его в бок. Рита, смеясь, раздавала второе.

На вкус мексиканская еда оказалась огненной и боже-

ственной. Я вытерла пот с верхней губы, глядя, как Джек пьет вино.

– Знаете, что? – сказала я. – Эта штука такого же цвета, как ваша машина!

Получилось глупо, я сразу почувствовала себя душой.

Джек широко мне улыбнулся.

– Миссис Холланд, – заметил он, – ваша внучка просто гений. Если бы она еще перестала тянуть мелочь из церковной кружки...

Бабка на секунду растерялась, но поняла, что это шутка, и тогда ее глаза засияли за очками в золотой оправе. Она скромно шлепнула Джека по руке.

– Привирай, привирай, вот я тебе задам, – засмеялась она.

Джек схватил красное сомбреро и нахлобучил на маленькую бабкину голову. Шляпа оказалась слишком велика и наделась до носа, согнув одно ухо.

Я затаила дыхание, ожидая, что бабка сейчас одним махом испортит чудесный вечер, но, к моему изумлению, помпоны затряслись от ее хохота. Я в первый раз увидела, как бабушка осмелилась подурочиться.

Лежа в кровати и вспоминая события вечера, я чувствовала такой прилив энергии, будто через меня шел электрический ток. «Ни за что не заснуть», – сказала я себе и задремала, усыпленная поисками ответа на вопрос, отчего мне грустно.

Я проснулась не сразу, удивившись незнакомым скрипучим звукам. В полусне мне показалось, что это котята Джанет Норд каким-то образом оказались у меня в комнате. Но тут же я поняла, внезапно и окончательно, что это скрипят и стонут кроватные пружины над моим потолком. Слышалось приглушенное бормотание – ничего похожего на разговоры за мытьем посуды. Я разобрала только одно слово Риты: «Пожалуйста».

Я понимала, что это не мое дело, что подслушивать некрасиво и надо отвлечься чем-то отрезвляющим – Иисус, умирающий на кресте, пули, разносящие голову президенту Кеннеди, иглы с тушью, втыкаемые в клиентов Роберты. Но мышцы бедер сладко сводило, а мысли стремительно становились «нечестивыми», как любила выражаться сестра Маргарет Фрэнсис на собрании только для девочек. Я представляла их на третьем этаже, полуобнаженных и нетерпеливых, как любовники на обложках романов. Я медленно подтянула к себе подушку, целуя ее сперва закрытым ртом, а потом открытым. Кончик языка коснулся сухой ворсистой ткани.

– Пожалуйста, – прошептала я. – Пожалуйста.

Наутро я проспала сборы Спейтов на работу. В пол-одиннадцатого я нехотя вылезла из постели и сошла вниз. Съев две тарелки подушечек с какао, я полистала «Историю монахини», которую Рита вчера дала мне почитать.

– Вещи, которые ты собиралась снять с веревки, так и ви-

сят, – проворчала бабушка, проходя через кухню. Я наугад открыла книгу и начала читать. Бабушка нудила о работе по дому, девушках в ее времена и как хорошо, что через две недели начнутся занятия в школе.

После ленча я слушала программу Джека по радио. Я ожидала услышать посвящение песни Долорес дель Рио или какой-нибудь намек на мексиканское меню, но максимум, чего дождалась, – песни в исполнении Герба Алперта и «Тихуаны брасс».

Бабушка решительно встала между мной и телевизором, где шла очередная серия «Как вращается мир». Я сидела боком на стуле в гостиной, равнодушно дуя на комок ниток в попытке заставить его парить в воздухе.

– Вещи так и висят, мисс Чесотка-в-заднице, – сказала она. – И посуда после завтрака и ленча еще не вымыта. В мое время ленивых девчонок пороли!

– «Пароле, пароле, пароле», – издевательски запела я.

Бабушка ударила меня по руке – сильнее, чем я ожидала. Кожу словно обожгло.

– И еще они не смели дерзить старшим!

– Что это ты меня щекочешь? – спросила я.

В четыре часа я услышала дребезжанье «МГ» Джека. Его шаги слышались сначала вверх, а затем вниз по лестнице. Застонали водопроводные трубы, и я поняла, что он вышел помыть машину. Когда я пошла к себе наверх, дядя Эдди насмешливо улыбнулся мне из-за стекла.

С наблюдательного пункта из-за занавесок в ванной я смотрела, как Джек появляется и исчезает за простынями и полотенцами, которые метались и трепетали на веревке. Наши с матерью личные вещи там тоже сушились: два маминых черных лифчика и мои страшные плотные панталоны, причем одни рваные в поясе.

Джек облачился в обрезанные до шорт джинсы и выцветшую фуфайку наизнанку, с отпоротыми рукавами. Обуться он не потрудился. Насвистывая, он намыливал свою маленькую машину. Я вспомнила, как непривлекательно оттопыривалась губа у Риты из-за жвачки, когда она смеялась. Она милая, но некрасивая, и ей надо что-то делать с короткими жидкими волосами. Такая, как есть, она его не заслуживает.

Присев на корточки, Джек скреб проволочные спицы колес. Его ноги были мускулистыми и более волосатыми, чем я себе представляла.

За вчерашним ужином мать вела себя как... это слово одноклассницы писали в тетрадке отзывов. Нагибалась и легонько шлепала Джека, когда он ее дразнил. Возбужденная, вот что это за слово. Мама и ее глупый риск, ее черные кружевные бюстгалтеры.

Зеленый садовый шланг дрожал между ног Джека – он обливал и вытирал хромированные части. Проходя мимо веревки с бельем, он поглядел на мои трусы, поднялся по лестнице и ушел к себе в квартиру.

Одри Хепберн с обложки «История монахини» смотрела

прямо мне в душу с моей необузданной кровати. Ее волосы были скрыты белоснежным апостольником, большущие глаза смотрели испуганно.

– Чего уставилась? – спросила я. – Так тебя разэтак!

Я впервые произнесла такую непристойность. По спине пробежала дрожь от сознания собственной силы.

После чего я села на кровать и разрыдалась. Долорес Прайс, леди печального образа.

Когда мама вернулась с работы, я тихонько вышла на площадку лестницы и подслушала бабкины жалобы:

– Если бы ты ей не позволяла... Пока она живет в этом доме...

– Я с ней поговорю, – сказала мама, упирая на «я». – Я занесу белье в дом.

Когда она поднялась и постучала, я уже была готова к защите. «Сама перестань вести себя как подросток! – скажу я. – Когда ты уже повзрослеешь, чтобы близким за тебя не краснеть?»

Но вместо критики мама присела на кровать и обняла меня.

– Давай с тобой сходим в кино, – предложила она. – Или по магазинам, или еще куда-нибудь.

Верх «Бьюика» был поднят – день выдался пасмурный и дождливый. Мы с матерью возвращались домой из Провиденс.

Мы выехали утром и позавтракали в кафе, затем купили две новые школьные формы мне и мохеровые свитера нам обоим. Простояли полчаса в очереди, чтобы попасть на утренний показ «Ночи после трудного дня», но девушки перед нами и за нами визжали при виде постеров с героями фильма в витринах кинотеатра, а мать забыла принять свои таблетки и боялась, что ее нервы этого не выдержат. Я немного подулась, но согласилась на «Мэри Поппинс».

– Тебе какие парни нравятся? – спросила я маму.

– Не знаю, – ответила она. – Высокие, смуглые и при деньгах. Как Вик Деймон – что он там, свободен?

– Нет, серьезно, – настаивала я. – Вот такой, как Джек, твоему, красивый?

Мать ударила по тормозам – почему, я не поняла – и рассмеялась:

– Какой Джек? Джек Фрост? Или Джек Бенни?

– Наш Джек, с третьего этажа.

– О-о, не знаю, – протянула она. – Я об этом не думала. Они с Ритой такая красивая пара, она же просто живая куколка, – мать включила радио.

– У нее рот некрасивый.

– Ты слишком строга. Я нахожу ее очаровательной.

– Тебе не кажется, что Джек чем-то похож на твоего брата? На снимке, висящем на лестнице, он напоминает Джека.

– Эдди? Да нет, не очень. Хотя сейчас, когда ты сказала... Правда, Эдди был смуглее и ниже ростом.

Она выключила радио. Дворники чуть поскрипывали.

– Жаль, что лето кончилось, – вздохнула я. – Ненавижу эту школу, у меня там ни одной подруги.

– В этом году все будет иначе, – пообещала мать. – Господи, восьмой класс – поверить не могу!

– Если мне там будет плохо, можно я перейду в другую школу?

– Не будет тебе плохо, – заверила мать. – Я на это даже отвечать не хочу. Прикури мне сигарету, а?

Я чиркнула спичкой, затащусь и передала ей сигарету. Затем взяла вторую, для себя. Мы молча курили. Покрышки «Бьюика» свистели по мокрому асфальту.

– Почему вы с бабушкой никогда не говорите о дяде Эдди? – спросила я.

– Кто сказал?.. Что ты хочешь знать?

– Ну, вот ты плакала, когда он утонул?

– Конечно, плакала.

– Он меня хоть успел увидеть?

– Много раз. Тебе тогда примерно годик был. Он все дразнил меня, что ты не мальчик. Брал тебя на руки и называл Фредом... Господи, эти похороны... Это было ужасно. Он так любил жизнь...

– А бабушка плакала?

Мать выключила дворники.

– Не знаю. Передо мной – нет.

– Даже по собственному сыну?!

– Она очень злилась из-за его смерти – помню, все время хлопала дверьми, крышками кастрюль, кухонными шкафчиками. Эдди всегда был шальной – вечно испытывал судьбу.

– Рисковал, – поправила я. Ненавижу бабуку, эту бессердечную тварь.

– Правда, Джулия Эндрюс хорошо сыграла Мэри Поппинс? – спросила мама. – Такая милая.

– А в жизни, наверное, капризная хамка. – Я снова включила радио и покрутила ручку настройки, пока не нашла «Уис». Песня закончилась. Послышался голос Джека. Я сделала громче, и голос заполнил машину.

– Может, бровями, – задумчиво произнесла мать.

– Что?

– Брови Джека такие же, как у Эдди. И голубые глаза, в которых варится очередная шалость.

Когда мы вернулись домой, я забрала радиоприемник, даже не взглянув на бабушку. У себя в комнате примерила одну из новых форм. Вторая, большего размера, тоже сидела неплохо.

Джек договорил глупую шутку, и зазвучал орган – вступление к «Наш день придет». Я подарила эту пластинку Джанет на день рождения. Мы распевали песню дуэтом, сидя на заднем сиденье в машине Нордов. Джанет не писала мне уже несколько месяцев.

Я встала и заперла дверь.

Щетка для волос превратилась в микрофон. Я пела перед зеркалом для озорных голубых глаз Джека.

Наш день придет,
Стоит лишь еще немного подождать...

То, как двигались мои губы, выговаривая слова песни, пробуждало ощущение сексуальности – и печаль. Свободную руку я сунула под школьную форму.

Ну и что, сказала я себе. Если это делает Рита, бабушкина фарфоровая куколка...

Я закрыла глаза. Щетка упала на пол. Мои руки бродили между ног, по бедрам, по повлажневшим трусам. Руки Эдди. Руки Джека.

Глава 6

Уже в восьмом часу в первый школьный день я вошла в кухню в колючей шерстяной форме.

– Па-пам, – пропела мать. Я зло посмотрела на нее.

Мне пришло в голову, что по утрам мы с Джеком выходим из дома в одно и то же время, и Сент-Энтони ему по пути на работу. Я уже успела навоображать, как подъеду на «МГ», лавируя между автобусами, таинственно улыбнусь Джеку и распахну дверь в новообретенную популярность. Волосы у меня станут гладкими и прямыми, как у Марианны Фейфул, и к обеду я стану президентом класса.

Но в это душное утро Джек уехал рано. Бабушка поставила передо мной тарелку манной каши и включила настольный вентилятор. Мать отказывалась воспринимать окончание летних каникул как трагедию и болтала о своем новом увлечении – «Пуховках для пудры», женской лиге боулинга. Они с бабкой проводили меня до дверей. Мама стиснула мне руку и сказала, что я красавица. Пока я тащилась полмили до школы, волосы свились в мелкие колечки. Потная рука оставила след на новой синей тетради.

Напутствие сестры Сретения было обязательным для восьмых классов Сент-Энтони. Маленький жесткий наггет в юбке, на который не действовали ни жара, ни духота, она начала наш год с напоминания правил поведения. Озвучи-

вая основные догматы, сестра постукивала кривым указательным пальцем по школьной доске. Нам, восьмому классу, поручалось подавать младшим пример благонравия. Сестра Сретение намекнула, что ужасные кары обрушатся на головы неблагодарных учениц, – тут она поглядела прямо в глаза Розалии Писек – которые не воспримут ее слова всерьез.

Все утро мы заполняли анкеты и списывали политику школы и правила поведения на занятиях к себе в тетради. Ленч я съела в привычном окружении пустых складных стульев.

Днем мы получили урок «демократии в действии», выбрав Кэти Махони президентом класса на третий срок. За весь день со мной заговорили всего две одноклассницы.

За ужином мама монотонно твердила, чтобы я не спешила. Они с бабушкой бросали меня одну на весь вечер: бабушка ехала на бинго, а мама торопилась к кеглям и дорожкам «Пуховок для пудры».

Сестра Сретение задала нам кучу страниц из естествознания и религии.

В зеркале я видела, как мать промокает салфеткой накрашенные губы – к боулингу она готовилась с той же страстью, что и к свиданиям.

– Не расстраивайся и не волнуйся, но я предполагаю, что у меня рак желудка.

– Долорес, это все нервы. Бабушка говорит, Рита всю неделю будет выходить во вторую смену. Ей, бедняжке, это

ужасно не нравится.

– Не меняй тему. Ты должна отвести меня завтра к врачу. У меня внутри явно растет опухоль!

Мать наклонилась и начала расчесывать свои светлые волосы сверху вниз.

– Иисусе, – воскликнула она, – надеюсь, ты не беременна? Через острый вырез блузки я видела ее черный кружевной лифчик и прыгающие груди.

– Сама-то ты не беременна? Это же ты у нас гуляешь с бойфрендами.

Мать выпрямилась и наставила на меня щетку:

– Не распускай язык!

Бабушка стояла в дверях, сжимая сумку и хмурясь.

– Я сказала Джуди Мамфи – без четверти семь, Бернис. В прошлый раз ты нас привезла слишком поздно, пришлось садиться на заднем ряду, около шумных вентиляторов, создававших сквозняк. Мы весь вечер мерзли, а бедная Джуди не могла даже расслышать числа.

– Мама, иди в машину, я сейчас приду.

Мать наклонилась и поцеловала меня.

– Не форсируй события, детка, и все будет хорошо. Мне надо бежать. Вся эта ерунда с желудком – просто нервы, или жирная пища, или несварение. Уж ты мне поверь, сестра Мария Картофельные Чипсы.

– Когда ты в следующий раз сойдешь с ума, я тебе тоже скажу, что это все жирная пища. Посмотрим, как тебе это

понравится.

У мамы вытянулось лицо. Она вышла из комнаты и сбегала по лестнице, хлопнув входной дверью.

Я взяла салфетку с комода и принялась рассматривать цепочку из трех коралловых «О», которые оставила помада. Они напоминали китайскую головоломку из колец, которую давным-давно купил мне отец. Несколько дней я сидела за складным столом на Картер-авеню и безуспешно пыталась ее разобрать. Папа не звонил мне с начала лета. Когда я спросила маму, переводит ли он нам алименты, она ответила, что мы прекрасно справляемся – если мне что-нибудь нужно, я должна сразу ей сказать. Бабушка ответила прямо: нет, не переводит.

В тату-салоне было темно, но в глубине дома горел свет. У бокового входа стоял мотоцикл – он был там припаркован всю неделю. В тишине слышался смех Роберты. На Пирс-стрит зажглись фонари.

Я села в коридоре у тумбочки с телефоном и начала набирать номер Джанет Норд, однако повесила трубку. Целую вечность – минуты две – я напряженно вспоминала наш старый телефонный номер на Боболинк-драйв. В конце концов, достав домашнее задание, я, недовольная, уселась за кухонный стол.

– Йе-ху!

Руки Джека были прижаты козырьком к бровям. Очертания фигуры казались размытыми за сетчатым экраном чер-

ного хода.

– Что я наделал, дель Рио? – засмеялся он. – Напугал тебя?

– Да нет, – ответила я. – Я просто занималась.

– Прости, что беспокою, но у нас вентилятор отрубился, а я не могу найти свой филлиповский шуруповерт. У твоей бабушки отвертки не найдется?

– Можете поискать, – разрешила я. – Заходите.

На Джеке были только шорты из старых джинсов. Я отвела взгляд.

– Слушай, вот жара, да? У нас на кухне хоть стейки жарь на линолеуме.

Я выдвинула ящик, где у бабки лежали инструменты.

– Может, здесь есть?

Он запустил руки в ящик, перебирая инструменты. Глядя на него, я то надевала, то сбрасывала шлепанцы.

– Все есть, а нужного нет, – приуныл он.

– А-а. Ну, извините.

– Ничего. Все равно мотор перегорел, наверное. Думал разобрать и поглядеть, все равно заняться нечем.

– Мама говорила, Рите поменяли смены?

– Да. Ну, я пошел. Кстати, если тебя нужно подвезти до школы, только скажи. Я проехал мимо тебя сегодня утром. Мне по дороге.

– Проехали? Правда? Ладно, спасибо.

Сетчатый экран снова захлопнулся, закрипели ступеньки боковой лестницы. Я вернулась к главе по естествознанию.

Джек сидел на своем крошечном крыльце – было слышно, как он насвистывает.

Я умылась в кухонной раковине, пошла к себе в комнату и переоделась в розовую полосатую блузку из жатки. Спустившись, выдернула вентилятор из розетки так резко, что на секунду испугалась – провод лопнет. Потом намотала шнур на руку, сунула ноги в шлепанцы и пошла наверх, к нему.

Он сидел на площадке, свесив ноги с края. В сумерках виднелся только горящий конец сигареты.

– Можете этот пока взять, если хотите, – предложила я, протягивая вентилятор. – Мне он не очень нужен.

– О, да не стоило... Точно можно?

– Держите.

Рядом с ним высилась незаконченная пирамида пивных банок. Джек положил сигарету на край площадки – горящим концом в воздухе – и протянул руку за вентилятором.

– Ты умница, – похвалил он. – Хочешь колы? Или тарелочку мороженого?

– Нет, спасибо.

– Точно не хочешь?

– Ну... – Я засмеялась. – Разве что мороженого.

Джек встал и пошел к себе в квартиру. Обернувшись, я смотрела на его голую спину, пока он ходил по кухне.

– Как с тобой обращаются в школе? – спросил он из кухни. – У нас только ванильное.

– Годится, – сказала я.

Я тоже свесила ноги с площадки и стряхнула шлепанцы. Они беззвучно упали на землю. Напротив, у Роберты, погас свет. Я подняла сигарету Джека и покатала между пальцами, сбросив столбик пепла длиной в дюйм.

Джек вышел, держа одной рукой мое мороженое, другой – бабкин крутящийся вентилятор, а согнутым локтем – баночку пива. От вилки вентилятора в дом тянулся удлинитель. Я подвинулась, давая место, и села по-турецки возле пирамиды пивных банок.

– Как угадать, что в твоём холодильнике побывал слон? – спросил он, садясь рядом со мной и отпивая пива. Его волосатая нога на секунду коснулась моей.

Я пожала плечами.

– На сливочном масле следы останутся.

Мой смех прозвучал фальшиво.

– Ну, рассмешили, – сказала я. – Обожаю слушать вашу передачу.

Джек улыбнулся и глотнул еще пива. Вентилятор жужжал невероятно громко.

– Я рад, что хоть кому-то нравится, – произнес он наконец. – Менеджер радиостанции считает мой юмор слишком – как он выразился? – оторванным от жизни. Говорит, мне нужно четче понимать запросы аудитории среднего возраста в Новой Англии.

Он сделал несколько больших глотков из банки, потянулся через меня и добавил ее в свою пирамиду.

– Если он не возобновит со мной контракт, мне кранты.
От этого слова я вздрогнула.

– Вам нужно на радиостанцию, которая играет приличную музыку, – предположила я. – Вы слишком хороши для этих старых пердунов.

– Что сказала бы на это твоя бабушка? – спросил он.

– Кстати, о старых пердунах, – сказала я.

Он хохотнул:

– Да брось ты, она очень приятная старушка.

– Это вам так кажется. У мамы был брат, который погиб в девятнадцать лет, так бабка даже слезинки не проронила. По родному сыну!

– Может, она плакала, когда никто не видел. Люди много чего делают тайно. А как он погиб?

– Утонул. Странно, ведь мои бабушка с дедушкой с отцовской стороны тоже утонули. Из-за урагана. Это было очень давно, я еще не родилась. Получается, у меня по обеим сторонам есть утонувшие родственники.

– Какой-то невеселый у нас разговор, – засмеялся Джек.

У меня заплыли щеки. Я замолчала и принялась за мороженое.

С третьего этажа Пирс-стрит выглядела иначе – меньше и аккуратнее.

– Ну что, – сказала я, – пойду засяду за уроки.

Но первым поднялся Джек.

– Посиди еще, – попросил он. – Ты хорошая компания. Я

сейчас вернусь.

В их туалете загорелся свет, и я услышала, как он мочится.

Он вышел с новой банкой пива.

– Я бы с удовольствием куда-нибудь перешел, можешь мне поверить. Мной интересуется радиостанция в Портсмуте, Нью-Гэмпшир, одна из крупнейших, но Рита не хочет переезжать.

– Я тоже не хочу, чтобы вы переезжали. До вас тут было так тоскливо. Леди, живущая здесь перед вами, была пьяницей и держала тупую мелкую собачонку.

Джек улыбнулся мне, поглаживая шерсть у себя на груди.

– Да-а?

– Да.

Он коснулся моей руки.

– Ты умеешь хранить секреты? – спросил он.

Струя воздуха от вентилятора прошла по спине, и меня передернуло. Ложка звякнула о тарелку с мороженым.

– Да, – ответила я.

– Она не хочет переезжать, потому что ждет ребенка.

– Рита беременна?!

Джек подтянул колено к груди и отпил пива.

– Жизнь – дерьмо, – сказал он. – Может, твоему дядюшке-утопленнику еще повезло... У нее уже было два выкидыша.

– Два?!

– Из-за этого мы уехали из Ньюарка, и мне пришлось уйти

с предыдущей работы. Я вел утреннее шоу – пятьдесят тысяч потенциальных слушателей, возможность быть на виду у парней из Нью-Йорка... Тебе надоело меня слушать? Скажи.

– Не надоело.

– Она взбесится, если узнает, что я тебе все это рассказываю. «На этот раз, Джеки, все будет хорошо, обещаю, – говорит. – Даже если что-нибудь случится, со мной все будет в порядке». Может, ты заметила, что мое мнение не играет роли в ее маленьких решениях? Улавливаешь? Тут ребенок на подходе, а Рэндольф заявляет, что я слишком... как это... оторван от жизни. Говорит, еще посмотрит, как пойдут дела, прежде чем возобновит со мной контракт. погоди, что начнется, когда Рита об этом узнает – она же выкинет ребенка из другой дыры!

У меня в желудке словно лег камень.

– Я лучше пойду, – отметила я, но не двинулась с места.

– Долорес дель Рио, – произнес он. – Мы с тобой против плохих людей, правда?

Я не ответила. Он коснулся моей босой ступни.

– Правда?

– Да.

– Ты щекотки боишься? – спросил Джек.

От слова «щекотка» я дернулась и нервно засмеялась.

– Боишься, значит? А я тебе говорил! – Он крепче сжал мою лодыжку. Кончики пальцев танцевали у меня на подошве.

– Перестаньте! – умоляла я. – Хватит! Я так отсюда свалиться могу!

Джек вдруг оказался сверху, прижимая коленями мои бока. Его пальцы прыгали и тыкались в меня:

– А здесь щекотно? А тут?

Ударившись затылком об пол, я извивалась и отбивалась, не в силах дышать. Я не могла унять смех. Волосы у Джека мотались на лоб и обратно, когда он терся об меня, щекоча и тыкая пальцами.

– Перестаньте! Ну, хватит! Правда! – визжала я, но он не останавливался.

Голова у меня моталась вперед-назад, когда я вдруг увидела, как близко я к вентилятору. Я резко дернула ногой. Пирамида пивных банок слетела с крыльца и со звяканьем раскатилась по аллее.

От этого грохота Джек остановился, смеясь и тяжело дыша. Пропитанное пивом дыхание вылетало влажными, кислыми рывками.

– Вы не против отодвинуться? – с нажимом спросила я. – Вы меня совсем задавите!

– Пф! Никогда больше не говори в моем присутствии, что не боишься щекотки, – сказал он и слез с меня. – Это будет тебе уроком.

Я закашлялась. А потом разрыдалась – сильно и неудержимо.

Джек засмеялся, стоя надо мной.

– Эй! – позвал он. – Перестань! В чем дело?

Когда я смогла говорить, то извинилась.

– За что?

– За глупое поведение.

Он потянулся ко мне, но я отодвинулась.

– Что я сделал, напугал тебя, что ли? Всего лишь пытался развеселить тебя и себя, а то мы завели разговор о смертях, начальниках и прочем дерьме. А ты что подумала?

– Не обращайтесь на меня внимания, – сказала я. – Я просто дура.

Я кое-как встала и пошла вниз по лестнице, размазывая слезы.

– Все-таки мне непонятно, – произнес Джек, перегнувшись через перила. – То ты хохочешь во всю глотку, а через секунду... Ну что с тобой такое?

Со второго этажа я слышала, как он стучит в дверь черного хода и зовет меня. Я не брала трубку телефона, и звонки эхом разносились по дому из коридора. Джек всего лишь пытался нас развеселить, успокаивала я себя. Неудивительно, что со мной в школе никто не общается – я же веду себя как слабоумная.

Вернулись мама с бабушкой. Я сидела на кровати с учебником по естествознанию на коленях. Бабка прошла мимо моей комнаты, ворча что-то о хулиганах, пивных банках и частной собственности приличных людей.

Мама вошла, присела на кровать и откинула мне челку со лба:

– Я выбила страйк и еще дважды сбила одну оставшуюся кеглю. Как самочувствие?

Я пожалала плечами, не отрываясь от учебника:

– Устала, и мне тут надо дочитать, так что, если не возражаешь...

– Хорошо, детка. Спокойной ночи. Я тебя люблю.

Несколько секунд она ждала, чтобы я тоже сказала, что люблю ее. Я хотела это сказать – рискнуть и сказать, но слова не шли с языка.

Потом, сидя в темноте, обхватила себя руками, и думала о дяде Эдди. Невозможность вздохнуть там, на площадке третьего этажа, и неспособность с этим справиться – должно быть, это ощущают утопающие.

Правый, оцарапанный бок болел, и на руке была длинная ссадина.

Я еще не спала, когда Рита вернулась с работы. Наверху негромко бубнили голоса. Ступня у меня дергалась и не желала успокаиваться. Мозг не отключался. Там, на площадке, в меня внизу что-то уперлось, когда он оседлал меня и защекотал, – не то его локоть, не то колено. Они же с Ритой женаты, во имя всего святого, у них скоро будет общий ребенок! Я поступаю как свинья и дура. Я просто жалкая личность.

«А ты умеешь хранить секреты?» – допытывался он у ме-

ня.

– Сахар положить или и так сладкий? – услышала я приторный голос бабки, спустившись утром в кухню. За ночь гроза прогнала липкий, тяжелый зной. Прохладный бриз шевелил планки жалюзи в гостиной.

На кухне взгляд метнулся от полосатой рубашки Джека к бабкиной улыбке и зафиксировался на коричневой картонной коробке посреди стола. Джек сидел на месте моей матери, а мать сидела на моем, по уши вдавываясь в пончик.

– Ну, вот и Долорес! – объявила бабка с фальшивым энтузиазмом. Она подтянула к столу табурет и похлопала по сиденью: – Присядь и попробуй восхитительные пончики, который принес нам мистер Спейт.

Джек поднес к губам одну из наших кружек с кофе и улыбнулся.

В комнате пахло лосьоном после бритья. Его белая в красную полоску рубашка выглядела такой новой и свежей, что на секунду я усомнилась, уж не придумала ли я вчерашний вечер.

– Эй, Долорес, – позвала мать, – как понять, что у тебя в холодильнике побывал слон?

На ее блузку цвета хаки попала сахарная пудра. Улыбка Джека больше, чем когда-либо, напоминала усмешку дяди Эдди.

– Не знаю.

– На сливочном масле следы останутся, – и они с бабушкой широко улыбнулись в ожидании моей реакции.

– О, – сказала я, – какая хорошая шутка.

В коробке было три пончика со взбитыми сливками и джемом. По настоянию матери я взяла один и положила себе на тарелку.

– Малышка Рита привыкает к новому графику? – спросила бабушка.

– Ну, вчера она притащилась домой, кивнула мне, как случайному знакомому, и накрылась одеялом с головой. До сих пор храпит наверху.

Мама начала рассказывать историю, как мой отец работал по ночам сразу после их свадьбы. Я ковырнула пончик и поднесла вилку ко рту. Взбитые сливки были желтоватые и теплые. Уголкем глаза я заметила, что Джек на меня смотрит.

– Вы это, – предупредила бабушка, подливая ему кофе, – передайте Рите запереть двери машины, раз она ездит в темноте. Сейчас вокруг столько сумасшедших и битников развелось! Какие-то дикие индейцы набросали на подъездную дорожку пивных банок. Наверное, их просто веселит мысль, что приличным людям придется за ними убирать.

Настольный вентилятор стоял на кухонном столе – шнур плотно обмотан вокруг подставки.

– Ты слышала ночью гром? – спросил Джек. – Ничего себе гроза была!

Я все проспала.

– Ты, должно быть, не выпалась, мама? – дразнила мать бабу. – Она крестится при каждом раскате грома, Джек.

Бабка скорчила гримасу.

– Ну, в этот дом молния еще не попадала, не так ли, мисс Слишком Умная?

Я отодвинула тарелку:

– Есть что-то не хочется.

– Долорес, Джек с охотой предложил подвезти тебя до школы, – сказала мать.

– Не стоит, я с удовольствием пройдуся.

– Да мне вообще никакого труда, – заверил Джек. – Ей-богу!

В дверях бабка сняла пушинку с моего рукава и сжала мне запястья:

– Если поганые пиэли снова будут тебя доставать, скажи учительнице или посылай их сразу к нам с мистером Спейтом.

Ее новоявленная бравада была для Джека, которого бабка в разговорах со мной называла исключительно мистером Спейтом. Смехота, подумала я. Кто из нас знает о беременности Риты, бабка или я? Кому, по мнению бабушки, Джек поверяет свои секреты?

На улице чирикали птицы, а Пирс-стрит блестела от дождя. Мои шлепанцы аккуратно стояли у самой двери. Кто их сюда выставил – мать или Спейт?

– Забыл вчера поднять верх, – сказал Джек, вытирая по-

лотенцем сырые сиденья «МГ».

Я села в машину, резко захлопнула дверцу, заперла ее и снова отперла. Я не смотрела на Джека, упорно глядя в сторону. Когда он потянулся к рычагу переключения передач, я сжала колени.

– Что это вы нам пончики покупаете?

– О, ну, не знаю, просто не люблю завтракать один. Не забывай, я целые дни провожу с микрофоном и звуковым оборудованием.

Меня затрясло. Потом дрожь прекратилась. И снова началась. В приборной доске была дыра на месте радиоприемника. Джек отчего-то улыбался, с треском мотора летя по Пирс-стрит.

– А о каких противных пиэлях говорила твоя бабушка?

– О Розалии и Стасе Писек, – ответила я. – Изводили меня в прошлом году. Вон они чешут.

Будто наглядные пособия, впереди появились близняшки, тащившиеся по Дивижн-стрит. Джек нажал на сигнал и помахал. Они пораженно уставились на нас, а я, проезжая, смотрела прямо им в глаза.

– Почему они тебя изводили?

– Кто их поймет. Прицепились, и все.

– Завидуют твоей красоте, – предположил Джек.

У меня против воли скривились губы:

– Ну да, как же!

– Нет, я серьезно. Поставь себя рядом с этими тощими

шавками, дель Рио, – это же как мисс Вселенная в приюте для собак! Вот, взгляни на себя.

Он повернул ко мне зеркало заднего вида. Волосы, отдуваемые ветром, летели за мной. Я выглядела беззаботной и процентов на 75 красивой.

Я отвернула зеркало, как было.

– Фу, – сказала я.

Джек смотрел на дорогу, временами поглядывая на меня.

– Да, чуть не забыл. Вчера... Я не хотел тебя пугать, вообще не хотел ничего плохого. То ли пиво подействовало, то ли жара... Ну, бывает так. Мы же с тобой по-прежнему друзья?

Кутикулы вцепившихся в тетрадь пальцев побелели.

– Конечно.

– Я звонил тебе потом. Я понял, что ты расстроилась.

– Наверное, я не слышала. Я принимала ванну.

– Ну и ладно. Давай забудем об этом, хорошо?

– Прекрасно.

Джек побарабанил пальцами по рулю и спросил, не переставая улыбаться:

– Не подумай, что я снова поднимаю этот вопрос, но все же – ты им что-нибудь рассказала или нет?

– О том, что у Риты будет ребенок?

– Да-да. Обо всем.

Я покачала головой:

– С какой стати?

– Во, точно. Умница.

Он подъехал к школе.

– Ну, удачного дня. И не позволяй этим двум швабрам тебя задевать. Ты особенная.

Глядя вперед, он взял меня за руку и мягко сжал, задержав на несколько секунд. Я не отняла руку.

Двое глуповатых мальчишек в форменных рубашках и галстуках подбежали к краю тротуара.

– Зацени-ка, – сказал один, глядя вслед «МГ».

– А быстро ездит этот самокат твоего папаши? – спросил меня один из них, глупо улыбнувшись и показав полный рот неровных зубов.

– Это не отец, – поправила я, – а близкий друг.

– Мисс Прайс! – обратилась ко мне сестра Сретение.

На шее у меня забилась жилка. Все, попалась.

– Да?

– Можете перечислить оставшиеся таинства?

Все вытянули шеи в ожидании.

– Крещение, причастие... – поторопила сестра. Десяток рук взлетел в воздух – вопрос был простым, если слушать на уроке.

– Таинство священства, – вспомнила я.

– Эрик уже назвал таинство священства. – Надежда испарилась с лица сестры Сретения, и оно словно одеревенело. – Вы подготовили домашнее задание?

– Частично.

– «Частично» в этих стенах неприемлемо, – заявила сестра Сретение. – Девушка, которая не дает себе труда подготовить самую первую домашнюю работу в учебном году, – это девушка с отвратительным отношением к занятиям, с моей точки зрения. Вы помните меры, которые я принимаю при несделанных уроках?

– Не очень, – призналась я.

– Тогда достаньте тетрадь и найдите этот пункт. Мы ждем. Я в панике листала страницы, но не могла найти нужного места.

– Параграф четырнадцать, – нетерпеливо подсказала сестра. – Прочтите его вслух.

– «Ученик, не приготовивший домашнего задания, автоматически остается после уроков в этот день».

– Правильно, – подтвердила сестра. – А девочка, которая регулярно отказывается делать уроки, может в июне оказаться среди зрителей, а не в шеренге выпускниц. Так или нет? Я обращаюсь ко всему классу!

Все согласно закивали.

В полдень я не пошла в столовую, а вышла во двор. Болтали и орали младшеклассники, скакалки лупили об асфальт. Большая группа третьеклассников ссорилась из-за игры в «красный свет». Ненавижу эту школу – лучше утонуть, чем сюда ходить!

За качелями, на краю школьного двора, в полукруге жел-

тых хризантем стояла гипсовая статуя святого Антония. Мое внимание привлекла ученица, которая молилась перед статуей. Некоторое время я рассматривала девчонку со спины. У нее были длинные костлявые ноги, как у богомола, форменное платье под поясом в нескольких местах прихвачено булавками. Я тихо подошла и сказала:

– Привет!

Она ахнула и резко обернулась, прижав ладонь к плоской груди.

– Иисус-Мария-Иосиф! – воскликнула она. – Ты хочешь, чтобы у меня разрыв сердца был?

Она училась в седьмом классе – утром я видела, как она ковыряла в носу на утренней линейке.

– Извини, – смутилась я и пошла прочь.

– Ты новенькая? – спросила она.

– Нет, я переехала в прошлом году. Из Коннектикута.

– Я здесь уже была. Тут все дурацкое. Почему ты ходишь в эту дерьмовую школу?

Большие черные, глубоко запавшие глаза смотрели из-под козырька густых сросшихся бровей. Между согнутыми пальцами сочился дымок. На секунду я подумала, что девчонка каким-то образом загорелась, потом только до меня дошло, что она курит – порок, строжайше воспрещенный правилами поведения школы Сент-Энтони. Я попыталась расслабить мышцы лица и не подать виду, что шокирована.

– Или лучше сказать – тюрьму? – продолжала девчонка. –

Любая школа, где запрещают носить нейлоновые чулки... – Она коротко затянулась – жест получился вызывающим и конспиративным. – Домашние задания, контрольные – я им не рабыня! Нам с Кенни и так есть чем заняться. У тебя есть бойфренд?

– Нет, – ответила я.

– Мы с Кенни гуляем уже семь с половиной месяцев. С шестого класса.

– Ого, – сказала я. – Он с тобой учится?

Девчонка фыркнула:

– Насмешила до смерти! Стану я нянчиться с мелкими. Кенни старшеклассник. Хотя на будущий год, когда ему стукнет шестнадцать, он уйдет отсюда, потому что все учителя к нему придираются. Он один раз видел, как привезли еду в школьную столовую – на боку фургона было написано «Корм для собак»! Кенни говорит, что нипочем не станет хавать собачью жрачку, даже ради вонючего аттестата. Ты когда-нибудь целовалась с парнем по-французски?

Я отвела глаза, но снова посмотрела на нее:

– Я, пожалуй, не отвечу.

– У меня фамилия Френч, хотя я не француженка.

– Что?

– Френч фамилия, говорю. Норма Френч. Я на четверть индианка чероки. Мне кто-то сказал, что французский поцелуй – это смертный грех, но это фигня. Кто это решил – папа римский? А он сам хоть раз попробовал, макаронник

тощий? – Она протянула мне сигарету: – Курнешь?

Я покосилась на окна класса сестры Сретения:

– Нет, спасибо.

– Кенни похож на Элвиса. Тебе кто больше нравится – Элвис или битлы?

Я видела, что эта Норма Френч – лузерша, мы с Джанет Норд разобрали бы ее по косточкам, но я вдруг испугалась, что даже она перестанет со мной разговаривать.

– Ну, Элвис, – ответила я.

– Во, правильно, – она снова затянулась сигаретой. – Король рок-н-ролла, не забывай!

– А еще мне нравятся «Битлз», – сообщила я.

Кожа вокруг глаз натянулась, когда Норма засмеялась. Один из передних зубов у нее был серый.

– Эти чудики фиговы? Кончай комедию! Надо тебе вправить мозги, – сказала она. – Битлы все гомики, это сразу видно. Девчонки, которые обжимались у них на концерте, были донельзя возбужденные. Когда мне было два года, я проглотила гвоздь и до сих пор помню, как меня везли на «Скорой». В тысяча девятьсот шестьдесят третьем году я на автомобильных гонках пожала руку Мисс Америке, которая вблизи была страшная и с толстым, как телефонный справочник, слоем грима.

– А у меня приятель диск-жокей, – рискнула похвастаться я.

– Ну-ну. Я их дровичами называю. Хоть бы кишку зава-

лили и просто музыку ставили. Смотри!

Норма сунула зажженную сигарету в рот, закрыла его и снова открыла: сигарета торчала из-под языка и все еще горела.

– Боже мой, – сказала я.

– Меня Кенни научил. Мы с ним, наверное, обручимся в этом году. Он об этом подумывает.

Загремели три коротких школьных звонка.

– Вот блин, – произнесла Норма. – На!

Она сунула мне влажный окурок и не торопясь пошла ко входу.

Я застыла, держа окурок вертикально и пялясь на него, но тут же бросила и растерла по асфальту, как Лэсси.

Занятия в первую среду закончились исповедью. Большинство восьмиклассниц следили за порядком на скамьях для младших учеников и шли исповедоваться последними. Я была одной из шестерых в нашем классе, кого не удостоили этой чести.

Вверху благочестивый витражный ангел парил перед коленопреклоненной Святой Девой. Ангел, светловолосый, как Мэрилин Монро или моя мать, устремлялся в небо, у его ног курился густой белый дым, и мне вспомнилась теле-трансляция запуска ракеты, от которой папа пришел в восторг.

«Вот съездим во Флориду и своими глазами все увидим», – пообещал он мне. Отец всегда много чего обещал.

Он сломал мне жизнь.

Голоса исповедовавшихся долетали из-за занавеса.

– Да, но, святой отец, он сам все начал, вот что я пытаюсь вам сказать, – настаивал какой-то пацан. Стася Писек, сидя среди семиклассниц, оглядывалась назад и корчила рожи своей сестре Розалии. Норма Френч, державшаяся отдельно от остальных, явно забыла платок на голову. В ряду мантилий, шляпок с цветами и бархатных головных повязок она сидела, натянув на голову воротник ярко-красного свитера, застегнутый под подбородком. Рукава висели по бокам, как уши у бигля. Норма знаменовала собой мою единственную победу в Сент-Энтони, и я скривилась при виде столь жалкого отсутствия прогресса.

В исповедальне я перечислила отцу Дуптульски свои грехи – гордость, сквернословие и неуважение к матери, опустив нечестивые мысли и деяния, и повторила формулу покаяния.

После занятий я отсидела час. На Дивижн-стрит к обочине свернул «МГ» Джека и медленно поехал за мной. Я сделала вид, что не замечаю. Это как игра: если я обернусь и посмотрю, значит, он победил.

– Эй! – крикнул Джек наконец. – Подвезти тебя?

– Ой, здравствуйте! – воскликнула я с притворным удивлением. – Пожалуйста. Спасибо.

Верх кабриолета был опущен. Джек сорвался с места так, что взвизгнули шины.

В пепельнице дымилась сигарета. Я взяла ее и затянулась, не спрашивая разрешения. Джек покачал головой и улыбнулся:

– Шалунья, озорница!

– Тебе сюда нужно радиолу, – сказала я.

Он улыбнулся:

– Кто это решил?

– Я, Долорес дель Рио.

Глава 7

Джек начал подъезжать к школе после уроков два-три раза в неделю. В своей тетради я отмечала эти дни, но какого-то порядка вычислить не могла. Он ждал на парковке при церкви, ближе к Честнат-авеню. Каждый день я, затаив дыхание, сворачивала за угол дома священника.

Настроение у Джека менялось от раза к разу. То он покупал нам рожки мороженого и дразнил меня, называя красивой и глядя по волосам. В другой раз сидел угрюмо и жаловался на свою работу или на Риту. Формат шоу сковывает его хуже смиренной рубашки, говорил он; а менеджер радиостанции не хочет этого понять. Он, Джек, впустую тратит свои лучшие годы и почти обрадуется, если контракт не продлят. Он был бы сейчас в Нью-Йорке на двойном – тройном! – окладе, если бы не эта со своим треклятым деланьем детей. Жить с Ритой – как ступать по сырым яйцам. Казалось, Джек говорит больше с собой, чем со мной, саркастически фыркая или лупя кулаком по приборной доске.

Когда он становился таким, мне было тягостно и тревожно – я не знала, как себя вести. Однажды я сказала, что, по моему, ему не стоит так трепать себе нервы из-за этих проблем.

– Да кем ты себя возомнила, секс-бомба? – повысил голос Джек, раздувая ноздри. – Лучшая для тебя политика за-

ткнуться, блин, и не растыкаться!

Он ездил домой разными маршрутами, называя их «таинственными окольными путями». Однажды мы проехали мимо его радиостанции, в другой раз постояли, не выключая мотора, позади заброшенной средней школы – кирпичного здания с заколоченными фанерой окнами и высокими сорняками, проросшими сквозь трещины в асфальте.

– Большинство моих учителей, наверно, уже поумирали, – сказал Джек. – Туда им и дорога. – И рассказал, как однажды, много лет назад, его посадили на скамейку запасных, потому что он играл на той же позиции, что и чей-то сынок. – Они всегда рядом и не оставят нас в покое, – добавил Джек, взяв мою руку и рассматривая ее. – Нам с тобой нужно быть начеку.

Я сообщила бабке, что записалась в школьный клуб стенгазет и остаюсь с другими девочками украшать классы и коридоры. Джек всегда высаживал меня у суперетты, не доезжая до бабушкиного дома. Конни смотрела на меня из-за прилавка с бесстрастным видом, сложив руки под огромными грудями. Иногда на крыльце или у магазина стояла одна из сестер Писек, пялясь на нас во все глаза, пытаюсь разгадать нашу тайну. От поездок с Джеком их подколки потеряли всякую важность.

– Рот закрой, кишки простудишь, – бросила я однажды Стасе.

Когда я возвращалась в дом бабки – обычно показыва-

ли «На пороге ночи», – то всегда бывала голодна. Я уминала печенье, картофельные чипсы, перезрелые бананы, не разбирая вкуса. Бабушка сидела с опущенными жалюзи, загипнотизированная очередной серией, безразличная к моим взбалмошным, рискованным поездкам.

Однажды днем, когда Джек не приехал, я ходила в центр с Нормой Френч. Ее бойфренд Кенни ждал нас в «Ланчионетте Лу». Он называл меня Долли вместо Долорес и сдвигал целлофановые обертки от соломинок Норме в лицо. Я сидела с непроницаемым видом, заставляя себя слушать, над чем он смеется горловым смехом. Жирная кожа на его лбу была покрыта десятками воспаленных угрей.

– Хошь, чего покажу? – спросил Кенни и задрал нестираную майку, показав два засоса, которые Норма поставила ему на живот. Я встала и вышла, не желая сидеть с ними за одним столиком и смотреть, как они целуются взасос.

Сестра Сретение задала нам доклады по естествознанию к неделе после Хэллоуина. Из размноженного на мимеографе списка тем я выбрала «Чудо рождения человека». Уже больше месяца я хранила секрет Джека, ожидая, когда они с Ритой торжественно объявят новость. Всякий раз, встречая Риту, я пристально вглядывалась в ее лицо и живот, ища соответствующие признаки даже во взгляде и смехе. Но Рита ничем себя не выдавала. Она тоже умела хранить секреты.

Я уже назначила себя единственной нянькой будущего Спейта и выбрала имена – Кристофер Скотт для мальчика

и Лиза Долорес для девочки. В моих фантазиях Рита слабо приподнималась со смертного ложа с балдахином и протягивала мне розового младенца.

– Мне очень жаль, что тебе придется бросить школу, – еле слышно шептала она. – Позаботься о них обоих. Ты нужна им больше, чем я могу выразить.

– Кофе? – спросил Джек.

Он снова выбрал обходной путь – поехал по Честнат-стрит, но в самом конце улицы неожиданно свернул на парковку перед пончиковой.

– Давай, – согласилась я.

Я следила за ним сквозь витрину. Сегодня Джек был в светло-желтых джинсах и коричневом клетчатом свитере. Официантка взбила прическу и засмеялась над его шуткой. Потом проводила его взглядом, когда он вышел.

Я обожгла губы и начала дуть, глядя, как закручивается дымок на маслянистой поверхности.

– Угадай, о чем мне задали доклад, – сказала я.

– Ну?

– О младенцах. Как они растут в своей маме, прежде чем родятся.

– Да? – Джек осторожно отпил кофе, глядя куда-то вперед. – Ну, круто.

– Когда вы с Ритой объявите о будущем ребенке?

– А что? – Джек посмотрел на меня. – Ты уже разболтала?

– Нет, мне просто интересно.

– А-а. Я тебе говорил, она немного трусит после прежних неудач, так что спешить некуда.

– Бабушка, наверное, свяжет ему крючком все приданое. А когда он родится?

– В апреле. Середина апреля.

– Правда? У меня есть журнал «Лайф», взяла в школьной библиотеке по теме доклада. Там иллюстрации, как дети выглядят на разных стадиях развития. Так странно! Хочешь поглядеть?

– Видела вон ту официантку? Ее тоже зовут Долорес, – Джек завел машину и выехал на улицу. – На бейдже написано, прямо над ее толстой сиськой.

Я постаралась пропустить это мимо ушей.

– Показать тебе статью?

– Я не люблю смотреть на подобные вещи. Этого полно и в медицинских книгах Риты.

– Можно, я только маме скажу о ребенке? Она бабушке ничего не скажет. Или разреши Рите намекнуть, что я в курсе?

Я поняла, что Джек не на шутку взбешен, когда машина вильнула.

– Слушай, либо я могу тебе доверять, либо нет!

– Можешь, – заверила я, – я просто спросила.

Я сделала большой глоток кофе и поперхнулась от обжигающей горечи. Я закашлялась. Кофе плеснулся из чашки

мне на колени и на пол.

Джек остановился у обочины, взял салфетку и вытер пол.

– Прости, – сказал он, – жизнь в последнее время стала очень напряженной.

– Забудь. Не надо мне было тебя доставать. Это я виновата.

Его рука коснулась моей щиколотки. Пальцы скользнули под мой носок и задвигались вверх и вниз. Я прижала ногу к полу, чтобы не вздрогнуть. Я не хотела, чтобы он меня щекотал, но и не желала рассердить его.

– Мы с тобой особенные люди, – заявил Джек.

Он выпрямился, включил первую передачу и повез меня на Пирс-стрит.

Вечером, лежа на животе на кровати, я начала писать доклад, переписав факты на каталожные карточки, как требовала сестра Сретение. Я отсчитала девять месяцев от пятнадцатого апреля; получалось, Рита беременна уже минимум два месяца. «Зачатки конечностей четко различимы, сердце эмбриона бьется часто, – говорилось в статье. – Эмбрион размером с арахисовый орех в скорлупе».

На третьем этаже Джек прошелся по комнате. Он просто переживает – все будущие отцы нервничают. В «Моих трех сыновьях» Робби Дуглас проехал до самой больницы, не сообразив, что забыл взять жену. Мы с Джеком хорошие друзья, я помогу ему выдержать этот период.

Иллюстрации развития плода занимали несколько стра-

ниц. Некоторые эмбрионы напоминали морских обезьянок, рекламу которых я когда-то увидела на задней обложке альбома комиксов и заказала по почте. Несколько недель я ждала, пока их доставят. «Поместите в стакан обычной водопроводной воды и увидите, как они оживут!» – говорилось в инструкции. Но обезьянки оставались сухими, ломкими и безжизненными, плавая на поверхности несколько дней, пока мать не заставила меня вылить все это в унитаз.

На первом уроке Кэти Махони выставила на парту маленькую коробку с приглашениями на вечеринку. Все утро я смотрела, как она ходит к точилке для карандашей, подбрасывая конверты на парты, когда сестре Сретение случалось отвернуться. Перед ленчем Кэти в последний раз прошлась между рядами и выбросила пустую коробку в мусорную корзину учительницы.

Ко мне подбежала Норма, крича мое имя достаточно громко, чтобы все насмешливо обернулись.

– Ты что, оглохла? Хочешь сходить в «Лу»?

– Слушай, – сказала я достаточно громко, чтобы слышали Кэти и остальные. – Отстань от меня, ладно?

У Нормы сделался скорее удивленный, чем обиженный вид.

– Я просто не хочу больше с тобой общаться. А от твоего бойфренда меня тошнит.

Норма цыкнула языком:

– Смотрите, кто завидует!

– Держи карман шире, – презрительно бросила я. – Может, если бы он вылил на себя бочку «Клерасила», на него можно было смотреть без отвращения!

Выпятив нижнюю губу, Норма Френч врезала мне под дых.

– Девки дерутся! – закричал кто-то. Все сбежались и окружили нас.

С трудом удержавшись от рвоты, я со слезами закричала Кэти Махони и всем остальным:

– Я вам не бесплатное шоу!

Мимо дома священника я выбежала на Честнат-авеню. Все смотрели мне вслед и смеялись.

– Поезжай быстрее! – приказала я Джеку. – Увези меня от этой дурацкой школы!

Вечером позвонил отец. Мать раздраженно протянула мне трубку.

– Сама и говори ему, что не хочешь его видеть, – прошептала она. – Я устала от его обвинений во всех смертных грехах.

Я выхватила у нее телефон.

– Что? – рявкнула я.

Из трубки сыпались новые папины обещания – мини-гольф, рестораны и кино.

– Слушай, сделай одолжение – представь, что я умерла! – отрезала я.

Слышно было, как у папы перехватило дыхание. Он обрушился на меня, сообщив, что однажды уже почти так и сделал, когда я слямзила его агаты, а мне давно пора перестать выпендриваться и понять...

Я повесила трубку, не дослушав его патетическую речь.

Джек ждал меня после уроков на следующий день.

– Так-так, кто это у нас, королева Шеба? – усмехнулся он, когда я села в машину. – Я уже хотел ехать, если ее величество не появится с минуты на минуту.

– А что мне было делать? – огрызнулась я. – Встать и уйти посреди урока?

Мы отъехали от школы. Между ляжками Джек держал открытую бутылку ликера.

– Ну что, песня спета, – сказал он, – дали мне под зад коленом. Еще месяц, и – гуляй восвояси.

– Тебя уволили?! О Господи! И что же ты будешь делать?

– Сейчас я еду к маленькому приключению, – Джек взял бутылку и быстро, воровато сделал глоток.

– Куда это? У меня домашки много, и еще нужно написать доклад.

Мне не нравилось, когда он пил и когда трогал мои ступни.

– Отлично, тогда забудь. – Его смех показался мне горьким.

– Джек, ты найдешь работу на радиостанции получше. Может, даже на «Дабл-ю-ПРО». Тебя везде с радостью возь-

мут!

Он покрутил головой и тихо фыркнул.

– Ну хорошо, – уступила я, – давай прокатимся, только не очень долго.

– Забудь. Не нужно мне никаких одолжений.

– Ну пожалуйста, я хочу прокатиться! Правда. Куда поедем?

Джек посмотрел на меня и улыбнулся:

– Если я тебе скажу, это уже не будет приключение.

Мы ехали по Шестому шоссе, пока магазины не сменились жилыми домами, а затем лесом. Осенний воздух пахнул яблоками и древесным дымом. Вокруг все было незнакомо. Я свесила руку в окно и ощущала порывы холодного ветра. В небе цепочкой летели канадские гуси.

– У матери пунтик насчет полетов, – сказала я. – В моей комнате висит ее картина с летающей ногой. Когда мы жили в другом доме, у нее был попугай, который...

– Я не хочу говорить о твоей матери, – перебил Джек. – Заткнись и не трещи. Я не в настроении.

– Ты найдешь работу получше, все наладится!

Он усмехнулся и отпил ликера.

– Хочешь глоток?

Я покачала головой, шокированная вопросом.

– Вот и умница, маленькая киска, – пробормотал он.

– Слушай, мне кажется, это не...

– Что тебе кажется?

– Ничего. Забудь.

Мы ехали и ехали. В какой-то глуши он включил сигнал поворота и свернул возле написанного от руки указателя «Вествикский приют для животных». Машину затрясло по неровной просеке между сосен.

– Не понимаю, – сказала я.

– Давненько я здесь не был. Тут есть водохранилище. И водопад. Слышишь, как шумит?

Дорога ныряла и поднималась, Джек вилял между корнями и ямами с водой. Мне вспомнились «гонки» с отцом в машине миссис Мэсикотт.

– Зачем мы сюда приехали? – спросила я.

– Я вспоминал это место, пока был в эфире. И о тебе думал. Ты удивишься, сколько раз в день я о тебе думаю. Мне хочется тебе кое-что показать, это разобьет твоё сердце.

– Что?

– Терпение, – сказал он с дразнящей улыбкой.

– А Рита здесь бывала?

Джек отпил ликера и не ответил.

– Ты пьян, что ли?

– Эй, – заметил он, – я разве не велел тебе заткнуться?

– Ладно, прекрасно, – согласилась я. – Только не забывай, мне ещё домашнее задание делать.

Я прислушивалась, стараясь различить шум водопада, но за деревьями доносился только собачий лай. Он становился громче, будто стелился по земле. Впереди появилось бетон-

ное здание.

Джек остановился на скрипучей гравийной дорожке и выключил мотор.

– Вот, – показал он.

Собаки были в сетчатом загоне, тянувшемся вдоль стены здания. Воздух звенел от их злобного лая. Большой белый пес все бросался на нас, и с каждой попыткой сетка забора прогибалась.

Джек вышел из машины и попробовал ручку двери дома, крикнул «Здравствуйте!» и попинал металлическую дверь.

– Мой знакомый тут смотрителем за собаками, но, похоже, он куда-то ушел, – громко сообщил мне Джек, перекрывая лай. – Выходи, на щенков посмотришь!

Я нерешительно подошла. У одного щенка был мутно-белый глаз, второй до мяса расчесал себе спину. Белый пес, обнажая розово-серые десны, кусал проволочную стенку вольера.

– А почему они под открытым небом? – спросила я.

– Это несчастные ублюдки, которых никто не берет. Их здесь держат пару недель, а потом усыпляют газом.

Он обнял меня за талию и притянул к себе.

– Правда, у них грустные глаза? От этих взглядов хочется сесть и заплакать.

Мне так не показалось. Собаки казались озлобленными и опасными, я не чувствовала к ним симпатии. Их когти клацали по бетону, когда они бегали между своих кучек и гряз-

ных мисок с водой.

Джек начал поглаживать меня по спине. Собаки немного успокоились.

– Мир – одинокое место, – произнес он, – посмотри на этих бедняг.

– Ну-ну. А где водопад?

– Мы же друзья? – спросил Джек. – Можно мне тебя кое о чем попросить?

– Не знаю. А о чем?

– Обещай, что не поймешь меня превратно.

– Обещаю, – сказала я.

– Можно тебя поцеловать – по-дружески?

У меня сжался желудок, а кровь прилила к голове.

– Пожалуй, нет.

– По-дружески!

Он наклонился и все равно поцеловал меня – мягко, в губы. Его дыхание было приторным и пахло алкоголем. Пальцы впились мне в спину. Собаки снова залаяли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.